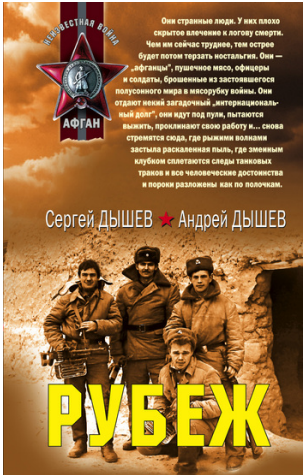

**Андрей Михайлович Дышев
Сергей Михайлович Дышев
Рубеж (сборник)**

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178457
Рубеж: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-29481-7*

Аннотация

Они странные люди. У них плохо скрытое влечение к логову смерти. Чем им сейчас труднее, тем острее будет потом терзать ностальгия. Они – «афганцы», пушечное мясо, офицеры и солдаты, брошенные из застоявшегося полусонного мира в мясорубку войны. Они отдают некий загадочный «интернациональный долг», они идут под пули, пытаются выжить, проклинают свою работу и... снова стремятся сюда, где рыжими волнами застыла раскаленная пыль, где змеиным клубком сплетаются следы танковых траков, и все человеческие достоинства и пороки разложены, как по полочкам.

Содержание

Оглянись	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Дышев, Андрей Дышев

Рубеж

Оглянись

Глава 1

Афганистан. Февраль 1983 года.

- Шарыгин, сколько банок тушенки во взводе осталось?
- Штук двадцать, товарищ лейтенант. Опухнем от голода.
- Ты, Шарыгин, скорее ото сна опухнешь, чем от голода. Пообедаем в дороге, а ужинать будем уже дома. Две банки на трех человек. Сможешь поделить?
- Обижаете, товарищ лейтенант. Я вообще могу свою пайку молодым отдать. Кстати, у нас еще один едок объявился. В наш бэтээр девушку посадили.
- Какую девушку? – не понял Нестеров.
- Ее привел капитан Воблин. Говорят, что до госпиталя поедет с нами. По-моему, это медсестра с заставы.
- Почему к нам? – пожал плечами лейтенант. – У нас что, самая просторная машина?
- Сержант, постукивая пыльным ботинком по колесу бэтэара, ответил:
- У нас самая безопасная. Так командование считает.
- Так считают те, кто мало бывал под обстрелом. Когда колонна нарывается на засаду, то самое безопасное место где?
- В голове, – неуверенно предположил сержант.
- Нет!
- В середине?
- Мимо!
- В хвосте? – уж совсем растерянно произнес сержант.
- В Сочи, на пляже! – ответил Нестеров.

День выдался морозным, под ногами певуче поскрипывал снег. Пританцовывая от холода, Нестеров зашагал вдоль машин батальона, который в течение недели сопровождал колонну «КамАЗов» с боеприпасами и провиантом для «точек» и наконец возвращался на базу.

На броне боевой машины пехоты, скучая, сидел командир второго взвода старший лейтенант Ашот Вартамян. Его плохо выбритое лицо выражало беспредельную тоску и усталость.

– Саня! – позвал он Нестерова, прыгнул на снег и взял его за рукав бушлата. – Н-не ходи на свой б-бэтээр. Тебе Воблин каблуки п-повырывает, не снимая ботинок.

Говорил Ашот плохо, заикаясь до такой степени, что нужно было напрягать слух, мучительно ожидать, когда он закончит начатую фразу.

– Ты разве не знаешь, – продолжал Вартамян, – что он затаился там с бабой? Рискуешь нарваться на неприятность...

Едва поспевая, Ашот плелся за Нестеровым. На бронетранспортер он полез первым, взбирался долго и неловко, гремел сапогами по жалюзи трансмиссии, потом опустил голову в люк и негромко сказал:

– З-здравия желаю!

Он тут же выпрямился, посмотрел на Нестерова и закатил глаза вверх, дескать, зря мы сюда приперлись. Нестеров тоже заглянул вовнутрь. На командирском сиденье, в бушлате с капитанскими погонами, сидела девушка. Рядом с ней, под пулеметом, – начальник штаба батальона капитан Воблин, замещающий уже неделю комбата. Оба молчали. Девушка, казалось, сильно замерзла, отчего подняла плечи, сжалась в комок. Капитан выжидающе смотрел на Нестерова. Затем негромко спросил:

– Я не мешаю тебе, Нестеров? И долго ты собираешься висеть вниз головой?

Девушка тоже подняла глаза и улыбнулась.

– Да я, собственно, высморкаться в люк хотел. А тут вы, оказывается, – процедил Нестеров и выпрямился.

Сразу же за ним в люке показался Воблин. Несмотря на свою невысокую округлую фигуру, он пружинисто выпрыгнул на броню и соскочил на землю.

– За девушку отвечаешь головой, Нестеров, – сказал он. – Создать ей уют и комфорт. Она едет с нами.

Воблин зачем-то подмигнул и быстро зашагал вдоль колонны, ежеминутно вскидывая руку вверх и глядя на часы. Привал у маленького придорожного гарнизона затянулся. Ждали тягач, прозванный в просторечье «таблеткой», который нужно было перегнать в ремонт. За морозную ночь «таблетка» намертво вмерзла гусеницами в мятый и еще вчера податливый грунт. Офицеры и солдаты стояли у машин, курили, смеялись, матерились, размахивали руками, чтобы согреться. Смуглый, широкоплечий командир отделения сержант Владимир Шарыгин, не расставаясь со своим автоматом, ровненько выставил ножку в начищенном до блеска сапоге и о чем-то тихо рассказывал солдатам. Те, слушая его, время от времени хохотали. За спинами товарищей тенью, невидимый и неслышимый, стоял белесый восемнадцатилетний водитель Жора Бенкеч, вчерашний пэтэушник, робкий, закомплексованный, с неизменно грязными ладонями. Всякий раз Нестеров, разговаривая с солдатом, мучился оттого, что мучился этот затурканный «дедами» мальчик, не знающий, куда ему деть руки, когда к нему обращались с вопросом. Лопухо накинутая на его голову ушанка, торчащий из-под бронежилета легкомысленный зеленый свитер с цветочками, съехавший к низу живота ремень, широченное галифе с жирными пятнами бензина и смазки – все это вызывало у Нестерова легкое, чуть пренебрежительное чувство жалости к солдату. Пулеметчик Коля Карицкий, не по годам плешивый, с черным от пыли и соленой гари лицом и широкой, как рубленая рана, улыбкой, слушал сержанта, глядя на него восторженным взглядом.

Лязгая гусеницами, «таблетка» наконец замкнула колонну, и сразу же раздалась команда «По машинам!». В одно мгновение все вокруг ожило, забегали солдаты, старшие машин надели шлемофоны, забросив шапки в утробы боевых машин; белый дым выхлопов поднимался над колонной, и казалось, какое-то невидимое препятствие едва сдерживает натиск боевой колонны.

Нестеров удобнее сел на броне и коснулся сапогами плеч водителя Бенкеча, словно хотел удостовериться, что тот на месте и готов к работе. Вспомнив о пассажирке, Нестеров нагнулся над люком, девушка сидела без движения и словно вжалась в крохотное сиденье. «Это, конечно, не такси», – с едкой иронией подумал он и тронул девушку за плечо:

– Шлемофон хотите?

– Зачем?

– Теплее будет и ушам спокойнее.

Она отрицательно покачала головой и, как о простых, обычных вещах, спросила:

– Как вы думаете, под Багланом по нам стрелять будут?

«Если бы я знал!» – подумал Нестеров и поморщился. Он привык отвечать головой за свой взвод и технику. Но как можно отвечать за девушку, место которой – в госпитальных палатах, в операционной, в перевязочной или процедурной, но уж никак не в боевой машине!

Шарыгин сел рядом с Нестеровым, сдвинул шапку на затылок, передернул затвор автомата и сунул в зубы сигарету. Холодный ветер трепал его темный чуб, колотил воротник бушлата, но сержант, казалось, не замечал этого и несколько раз безрезультатно чиркнул спичкой.

Маленький гарнизон остался за спиной, и по обе стороны разбитой, усеянной воронками дороги потянулись припорошенные грязным снегом поля, горы, пустые и немые, полого изгибающиеся, словно застывшее штормящее море. Иногда по пути встречались похожие на памятники, установленные на вершинах сопok боевые машины охранения. С проездом колонны мимо они давали одиночный залп неведь куда, словно салютовали своим железным собратьям.

Нестеров, сидя на броне, постепенно уходил в дремоту и, порой оглядываясь по сторонам, не мог сразу разобраться – наяву ли эти горы, этот ветер в лицо и осторожный, звериный ход колонны, эти застывшие на броне фигурки людей с оружием и в бронежилетах, и смуглые лица солдат, которые с нефальшивой бдительностью оглядывали развалины дувалов, и молчаливая девушка в бушлате не по размеру, с офицерскими погонами на плечах, вросшая в карликовое сиденье между ящиками с цинками патронов.

За сопками потянулись убогие голые рощицы и отдельные деревья – обломанные и расщепленные стрельбой, с обгоревшими уродливыми ветвями, останки глинобитных стен, не похожие на творение человеческих рук. И все это стусевывалось, размазывалось тихим туманом, нагнетало неопределенное чувство тревоги, смутной опасности, словно колонна ехала не по земле, а по далекой пустой планете.

Нестеров дернул головой, стряхивая с себя липкий сон. Сержант Шарыгин тоже выпрямился, поставил автомат между колен стволом вверх и стал напряженно всматриваться вперед. Оба они почувствовали, как постепенно нарастает скорость у бронетранспортера, и водитель Жора Бенкеч уже не объезжал глубокие рытвины в асфальте, а все сильнее давил на газ.

БТР выл, скрежетал коробкой передач, с силой ударяясь о края ям, выпрыгивая из них, как мяч.

И тут Нестеров понял, чем эта местность отличается от той, которую они проезжали раньше. Вокруг не было людей. Ни одного человека. Ни стариков на ослах, ни детей вдоль дороги, ни дехкан в поле. Колонна ехала по полигону, мишенному полю, из которого заблаговременно вывели все живое, чтобы обрушить огонь только на тех, кому он был предназначен.

Отсоединив штекер шлемофона, Нестеров нырнул в люк и быстро потянул рукой рычаг, закрывающий окошко бронированной шторкой. Девушка удивленно посмотрела на него.

– Зачем?

– Гравий из-под колес, – первое, что пришло на ум, сказал Нестеров и попытался улыбнуться. Девушка тоже улыбнулась – даже насмешливо.

Нестеров не ошибся.

Где-то рядом оглушительно хлопнул выстрел. Нестеров инстинктивно пригнулся, и сержант, словно тень, проделал то же самое.

– Товарищ лейтенант, откуда стреляли? – с каким-то будничным интересом спросил Шарыгин, вращая головой в разные стороны.

– Карицкий! – крикнул Нестеров. – К пулемету!

Сержант, должно быть, что-то опять спросил, но его слов Нестеров не расслышал. Резкой волной ворвалась в воздух стрельба, впереди идущие бронетранспортеры открыли огонь из пулеметов по рыжим, скрытым за деревьями дувалам.

Нестеров и Шарыгин нырнули по пояс в люки, в одно мгновение снимая автоматы с предохранителей. Фигура Шарыгина в черном бушлате мешала Нестерову удобно изготoвиться; в скрученном положении он прильнул щекой к прикладу автомата, забыв даже снять солнцезащитные очки. Он увидел перед собой мелькающие развалины, серые пятна людей между ними и заслонившее все это черное окно прицельной мушки. Еще какое-то мгновение Нестеров пытался прицелиться и резко нажал на спусковой крючок.

Звук своего выстрела он не услышал, лишь почувствовал, как содрогнулся внезапно оживший в его руках автомат и горло обжег знакомый запах пороховой гари.

Броня под грудью задрожала и, казалось, сама стала выделять из себя смертоносную энергию. В ту же секунду Нестеров щекой почувствовал жар огня пулемета. И звук его был настолько страшен своей колоссальной силой и мощностью, вынести его было так трудно, что Нестеров опустил голову на броню, чтобы перетерпеть огневой удар пулеметчика Карицкого.

Он вновь потянул спусковой крючок, еще сильнее вжимаясь в броню всем телом, но автомат недвижимо застыл в его руках, металлически клацнул ударник. «Как некстати», – подумал Нестеров, боясь потерять ставшие бесценными секунды, отстегнул связанные лентой магазины, перевернул полным вверх; нервничал, ударяя им об автомат, – никак не присоединялся.

И тут броня вздыбилась, закачалась и стала быстро подниматься в вертикальное положение. Бронетранспортер на полной скорости вылетел с дорожного полотна, сильно накренившись, съехал в кювет и, пробороздив еще несколько метров по земле и рыхлому снегу, замер, словно раненый зверь.

Глава 2

«Нас подбили? – лихорадочно подумал Нестеров. – Но почему не было слышно взрыва?»

Ему казалось, что бронетранспортер именно в это мгновение превращается в мишень, под которую кто-то медленно подводит обрез прицельного штырька. Он спрыгнул вслед за Шарыгиным вниз, поскользнулся на размытом грунте и тяжело упал рядом с машиной. Но тут же встал на ноги, выпрямился, стараясь разглядеть, откуда били по ним, и в ту же секунду услышал над головой знакомый свист. Не торопясь припасть к земле, Нестеров стоял на одном колене и рассматривал развалины дувалов. Бенкеч тоже приподнялся, встал на колени, но тут же поскользнулся на мокрой наледи и упал, с размаху ударив автоматом о землю.

Словно из открытой дверцы раскаленной печи дохнуло жаром, и автоматную трескотню прорезал какой-то дребезжащий, не похожий ни на что земное рев. Бледно-красный шлейф мелькнул перед глазами Нестерова лишь на долю секунды, как раз в том месте, где только что стоял Бенкеч. Потом рядом за их спинами ухнул взрыв.

«Граната! – догадался Нестеров, моментально припадая к земле и чувствуя, как напряжение сковывает его тело. – Сейчас по бронетранспортеру выстрелят во второй раз и уже не промахнутся.

– Карицкий! – крикнул Нестеров. – Девушка где? Она все еще внутри?!

Солдат, прижавшись щекой к прикладу автомата, стрелял. Нестеров не стал повторять вопрос, поднялся на ноги и рванулся к бронетранспортеру.

«Какого черта... – думал он. – Почему она все еще там?»

Он уже поднял ногу, чтобы встать на диск колеса, как его сильно оттолкнул в сторону Шарыгин.

– Назад! – крикнул он Нестерову.

Нестеров машинально подчинился, присел, глядя, как сержант ползет по броне к люку. Потом, опомнившись, бросился к дороге.

– Прикройте Шарыгина!

Через минуту из бокового люка выпрыгнула на землю девушка, а следом за ней – Шарыгин. Нестеров лишь на секунду обернулся, но не увидел лица медсестры.

И тут сзади раздался крик солдата Алимова:

– Со спины бьют! Окружили!

Бенкеч вскочил на ноги, рванулся к кустам, плюхнулся всем телом прямо в ручей и там, в грязи, прижался щекой к прикладу автомата.

– И слева бородатые! Смотрите, слева! Слева! Вон, вон!

Шарыгин ползком поднимался по склону кювета и махал рукой.

Впервые за время обстрела Нестеров увидел их отчетливо. Метрах в ста от бронетранспортера два человека в темных пиджаках, чалмах и с оружием в руках, пригибаясь, быстро бежали через дорогу.

– Товарищ лейтенант, я сам... – задыхаясь, произнес Шарыгин, метнулся по дну кювета туда, где должно было сомкнуться кольцо бородатых, упал у кустов и прижал к щеке приклад. Один из «духов» сразу же осел на землю, а второй, прыгнув под откос, покатился в укрытие. Шарыгин перестал стрелять, вжался лицом в снег.

Нестеров почувствовал, как у него в висках заколотилась кровь от напряжения. Он перевернулся на спину и посмотрел назад. Девушка лежала у колес бронетранспортера и пыталась зарядить пустой магазин. Рядом с ней – разорванная пачка с патронами. Карицкий замер у самой дороги и стрелял по дувалам. Бенкеч все еще лежал в ручье и вздрагивал после

каждой очереди. Вокруг него медленно втягивались в грязь раскиданные пустые и полные магазины. Наконец солдат повернул черное от гари лицо и сипло сказал:

– Товарищ лейтенант, нам шиздец!

– Не ссы, Бенкеч! Морская гвардия не тонет!

– Какая еще морская гвардия? Я пехота, и мне до дембеля два месяца...

– Наши! Наши! – раздался крик сержанта Шарыгина. По дороге на бешеной скорости мчалась боевая машина пехоты. Ее пушка была повернута в сторону дувалов, разрывы снарядов разбивали глинобитные стены в щебень и пыль.

БМП поравнялась с Карицким, лежащим на грязном снегу, и остановилась. Малорослый, коротко стриженный офицер, едва высунувшись из люка, заплетающимся языком произнес:

– Чего лежите? Тащите трос и цепляйте.

Это был командир роты старший лейтенант Сергей Звягин.

Бенкеч в одно мгновение запрыгнул на БТР, вытащил трос и метнулся к боевой машине. Ротный что-то крикнул своему механику-водителю, и БМП с утробным рычанием потащила бронетранспортер из кювета. Солдаты помогли медсестре взобраться на броню...

Нестеров нырнул в люк. Девушка, растирая руками лицо, сидела на своем прежнем месте. «Ничего, – подумал Нестеров, – ты еще с восторгом будешь рассказывать своим подругам про этот день».

Вся колонна батальона стояла на обочине дороги рядом с большим кишлаком, раскинувшимся у подножия голых, отшлифованных ветрами гор. Нестеров спрыгнул на землю и пошел к БМП. Звягин сидел на броне и протирал ветошью автомат. Нестеров молча протянул ротному руку.

– Спасибо, выручил.

– «Спасибо» в стакан не нальешь, – ответил Звягин. – Подойди к Воблину. Он хотел тебя видеть.

Начальник штаба стоял перед строем офицеров и что-то резко говорил Вартаняну. Увидев Нестерова, замолчал, но не изменился в лице.

– Цел, герой? Доложи, что с девушкой.

Нестеров хотел было ответить, но Воблин опять повернулся к строю.

– Ладно, потом!

Нестеров стащил с головы шлемофон, провел ладонью по влажным волосам, вынул из кармана измятую пачку сигарет и долго ковырялся в ней пальцами.

Наконец Воблин скомандовал «разойдись» и подошел к Нестерову. Обнял его одной рукой за плечи и повел вдоль колонны.

– Ну, расскажи, Нестеров, как там наша девчонка? Что с машиной?

– Вас что интересует в первую очередь – машина или девчонка? – вопросом на вопрос ответил Нестеров.

– Что с тобой? – Воблин отступил на шаг и, щурясь, взглянул на Нестерова. – Ты чем-то недоволен, лейтенант? Сознание затуманилось? «Духи» насмерть испугали, да?

– Не в этом дело. Я или выполняю боевую задачу, или обеспечиваю безопасность девушки. Делать одновременно и то и другое я не могу. Дайте команду, чтобы медсестру пересадили в другой бронетранспортер.

– А чем она тебе мешает?

– Она связывает меня по рукам и ногам. Вместо того чтобы нормально ответить на огонь противника, я беспокоился о том, чтобы ваша подопечная не промочила ноги и не поймала пулю.

– Ладно, хватит грубить, – охладил пыл лейтенанта Воблин. – Ничего, не развалишься. Медсестра остается в твоей машине. Надо уметь делать все, лейтенант. И воевать, и защи-

щать. Ясно? Представь, что эта девушка – твоя сестра. Или... – Воблин мгновение подыскивал сравнение, – или твоя невеста.

– Хорошо, – кивнул Нестеров, прикуривая. – Уже представил. Разрешите идти?

Нестеров плелся к своей машине, безо всякого любопытства рассматривая кишлак и нависшие, казалось прямо над ним, скалы. Сновали у боевых машин мальчишки, грязные, в калошах на босую ногу, отрывисто выкрикивали слова, предлагали купить презервативы и чарс, кланчили у солдат сигареты. Степенные старики, сгорбившиеся и флегматичные, шаркали калошами, проходя мимо, останавливались напротив какой-нибудь машины, не поворачивая туловища, искоса рассматривали выцветшими глазами солдат и офицеров, одним ухом прислушивались к чужой речи и, заложив руки за спину, так же чинно и невозмутимо шли дальше.

Около бронетранспортера Нестерова окликнул голос:

– Закуривайте, товарищ лейтенант!

Шарыгин, сидя на броне, протягивал пачку сигарет.

– Накурился уже до одури, Шарыгин... Да ладно, давай твою отраву... Где эта немногословная красавица, мать ее за ногу...

– Ушла к начальнику штаба.

– А почему не спросила у меня разрешения? Ладно, скатертью дорога. Надеюсь, она больше не вернется, и мы сможем заниматься нормальной боевой работой.

– Это верно, – согласился Шарыгин, загоня шомпол в ствол автомата. – Зря мы в канаве валялись. Надо было бы посадить Толяна за пулемет, а самим рвануть вперед, закидывая дувалы гранатами.

– Ну да, надо было... Только и остается фантазировать, каких бы мы шиздюлей навесили «духам».

Нестеров курил, глубоко и часто затягиваясь, глядя, как солдаты меняют сахар на анашу. По обочине шел Ашот Вартанян, крепко прижимая к груди банки с тушенкой и отбиваясь от наседавших на него мальчишек. «Азер! Азер!» – кричали они вслед офицеру. Ашот оборачивался, хмурил брови, делал свирепое лицо и матерился. Пацаны смеялись, улюлюкали, показывали непристойные жесты.

Криво улыбаясь, Ашот подошел к Нестерову:

– Маленькие волчата! Хотели тушенку умыкнуть. Один, юркий такой, хват у меня из рук банку – и в толпу. Я за ним, а мне – подножку. Еле устоял... Гляди-ка, кого наш ротный в-ведет...

Звягин быстро шел вдоль колонны, а за ним едва поспевал старый афганец.

– Нестеров! – крикнул издали Звягин. – Где Алимов? Пусть переведет. Этот душара хочет нам что-то сказать.

– Бабок он хочет, по роже видно, – пробормотал Нестеров.

Исмаил Алимов, таджик по национальности, понимал дари и вполне справлялся с обязанностями переводчика. Солдат подошел к афганцу и протянул ему руку:

– Салам алейкум!

Афганец ответил на приветствие и торопливо заговорил, прикладывая руку к сердцу:

– Меня зовут Махмед Саид. Я дехканин, живу недалеко отсюда, на краю рисового поля. Недавно у меня родился третий сын. Ребенок здоров, но его мать чувствует себя очень плохо. Врачей у нас нет. Денег тоже мало. Мы очень бедные, а жена вот-вот умрет. Может, среди вас есть врач?

– Где медсестра? – спросил Звягин у Нестерова.

– У Воблина спроси.

– Давай-ка, Саня, найди ее, еще трех солдат с собой, и сходите к афганцу... Если, конечно, это действительно недалеко.

– Приключений захотелось?

– Надо же изобразить сочувствие, блин горелый! – вспыхнул Звягин. – Мы тут все-таки оказываем помощь братскому афганскому народу!

Воблин и девушка сидели на земле рядом с командно-штабной машиной. Выслушав Нестерова, начальник штаба посмотрел на девушку и произнес:

– Заставлять не могу. Просить не хочу. Приказывать не имею права...

– Ладно, я схожу, – ответила медсестра, поднимаясь с земли.

– Только недолго, Нестеров, – предупредил Воблин. – Одна нога там – другая здесь. Даю вам от силы полчаса.

Махмед Саид быстро шел по кишлячной улочке. За ним – медсестра, Нестеров, Вартанян. Трое солдат во главе с Шарыгиным, оглядываясь по сторонам, замыкали маленькую группу.

Вскоре афганец вышел на маленькую площадь, в центре которой возвышался трехэтажный дом, обнесенный очень высокими дувалами. Поминутно оглядываясь, Махмед свернул влево и по узкой улочке повел в глубь кишлака. Наконец он отворил тяжелую, обитую железом дверь и жестом пригласил всех зайти во двор.

– А он не из бедных, – вслух подумал Ашот, заглядывая через проем двери. – Может, «духам» помогает, а они ему платят.

– Да скорее всего он сам и есть «дух», – вставил кто-то из солдат.

Двор был обжитым, уютным. У большой кучи соломы лежал теленок, чинно расхаживали куры, индюки. Двуколка с поднятыми, как стволы орудий, оглоблями была завалена мешками и дровами. Из двери дома вышла смуглая, пугливая девочка и юркнула в сторону.

– Моя старшая дочь, – сказал афганец.

Шарыгин и солдаты остались у входа во двор. Только Алимов вслед за офицерами и медсестрой зашел в дом.

В комнату вела дверь, утепленная войлоком. Когда Махмед распахнул ее и отодвинул в сторону занавеску, дохнуло тяжелым запахом жилья, несвежести, грязного белья, и офицеры, как по команде, схватились за носы.

Маленькая комнатуха была жарко натоплена. Левая часть была перегороджена шторой. В центре комнаты – «буржуйка», накаленная докрасна, изгиб трубы от нее уходил в отверстие в стене. У запотевшего окошка на матрасе, укутанный в одеяло, лежал крохотный ребенок. Не спал, смотрел невидящими глазами перед собой и едва шевелил губами.

Матрасы были разбросаны в каждом углу. Хозяин, войдя в комнату, снял калоши, босиком зашлепал к шторке, оттянул ее край и жестом пригласил медсестру зайти. Там была женская половина.

Медсестра вопросительно посмотрела на Нестерова.

– Да иди уж... – ответил Нестеров. – Если что случись, нам тут всем крышка.

Ашот легонько толкнул Нестерова локтем и едва заметно указал глазами куда-то в угол. Махмед на полсекунды опередил это движение Вартаняна, присел на матрасе и быстро смотрел в рулон какой-то продолговатый предмет, похожий на ленту.

– Исмаил! – раздался из-за ширмы голос медсестры. – Скажи, что вялость и слабость у жены – вполне обычное явление... Воспалений нет.

Солдат синхронно перевел афганцу слова. Махмед, очень внимательно слушая, кивал головой, а девочка, сидящая около печки, смотрела на Алимова как на бога, широко раскрыв рот.

– Что ты мне хотел показать? – спросил Нестеров Ашота.

– Патронташ, – негромко ответил Вартанян.

Нестеров посмотрел на часы. Прошло уже двенадцать минут, как они оставили колонну.

Пока шел диалог между медсестрой, солдатом и Махмедом, Ашот без видимого любопытства стал расхаживать по тесной комнатухе, рассматривая предметы. Потом он взял с печурки маленький металлический чайник, налил бледно-желтой водички в пиалу, придирчиво осмотрел ее края, но все же переборол брезгливость и медленно выпил. Рукавом бушлата вытер усы и пробормотал:

– Умирал, пить хотел. Но боялся, что он предложит первым. Когда бабаи что-то предлагают мне, то всегда отказываюсь... Что-то, старик, тревожно мне на душе.

– Может, дать тебе водки? – спросил Нестеров и хлопнул по фляге, которая висела на его ремне... – Какого черта он так жарко топит? Я уже взмок.

Наконец девушка вышла из-за ширмы.

– Как в бане! – воскликнула она и расстегнула бушлат. – Исмаил, скажи ему, что у жены небольшое кровотечение, но все в пределах нормы. Волноваться не надо. Спроси, есть ли у матери молоко. – И присела у ребенка, раскутывая его.

Исмаил спрашивал, хватая себя за мнимую грудь.

– У окна дует, – сказала медсестра. – Скажи, топить надо слабее, а ребенка переложить к стене.

Солдат перевел.

– Ну, в чем дело? – выждав паузу, спросила медсестра. – Почему он не перекладывает? Тут жуткий сквозняк. Эй, папаша! Перетаскивайте матрас в другой угол!

Афганец кивал и вместе с тем заметно заволновался. Он подошел к младенцу и, неестественно улыбаясь, погладил его по голове. Казалось, он перестал понимать, что ему рекомендует медсестра.

Ашот схватил матрас за край и попытался оттащить в сторону, но афганец вдруг громко и торопливо заговорил, замахал руками.

– Он говорит, что замажет щели глиной, – перевел Алимов.

– Фиг с тобой, – согласился Ашот. – Мое дело предложить, его дело отказаться.

– У ребенка потница, Исмаил. Нужна присыпка... – говорила медсестра.

– Он спрашивает, не опасно ли? Беспокоится очень.

– Скажи, что через две недели все пройдет. Только пусть он не заставляет ее работать. Полгода ей нельзя носить тяжести. Так и переведи. Пусть мать только ухаживает за ребенком.

– Да не о работе он спрашивает, – хмыкнул Ашот, снова взял чайник, но передумал и вернул его на место. – Его интересует, когда ему спать с ней можно будет... Красивая хоть?

– Как атомная бомба, – предположил Нестеров.

– У вас, мужиков, только одно на уме, – ответила медсестра.

Махмед низко поклонился Алимову и протянул медсестре замусоленную пачку розовых купюр. Девушка сделала вид, что не увидела денег, повернулась и пошла к выходу – она уже не могла дышать здесь.

– Не надо, дядя! – Вартанян похлопал афганца по плечу. – Убери свои вшивые бабки! Скоро мы вам построим коммунизм, и все деньги отменят. И все будет бесплатным... – И добавил Алимову: – Исмаил, передай бойцам, если кому афгани нужны, пусть возьмут. Но только так, чтобы мы с Нестеровым этого не видели.

Афганец, все время кивая головой, низко кланялся. На обратном пути Ашот сказал Нестерову:

– На душмана он не очень похож, как ты думаешь?

– Да вылитый душара! Нервничал очень.

– Да, я тоже обратил внимание. Видел, как он быстро спрятал патронташ?.. А ты что скажешь, востоковед?

Алимов пожал плечами.

- Тупой он какой-то... Ребенок лежит у окна, но никто его не переложит к другой стене.
- Да просто переволновался, – сказала медсестра. – Такая орава военных к нему в дом зашла... – Она вдруг обернулась и с удивлением добавила: – Легок на помине... Смотрите, за нами бежит...

Глава 3

Афганец глубоко дышал и быстро переводил взгляд с Нестерова на Алимова. Наконец он взял под локоть солдата и потянул, предлагая отойти в сторону.

– Что-нибудь случилось, чувак? – насторожился Ашот.

Глядя на Нестерова, афганец прошептал:

– Я хочу сказать вам... Уезжайте отсюда, немедленно. Как можно быстрее!

– Алимов, спроси его, почему у него такие глаза круглые? – сказал Нестеров.

– Поверьте, – еще тише проговорил Махмед, – я не связан с моджахедами. Я хочу работать, у меня есть земля. Мне надо растить детей. Но они убьют их, если я перестану выполнять волю хозяина... Не спрашивайте, я не могу сказать вам всего. Если вы не уедете отсюда, то будет беда... Ради Аллаха, уезжайте!

– В кишлаке есть душманы? – спросил Нестеров.

Алимов перевел.

Афганец покрутил головой и почти выкрикнул:

– Нет, нет! Но клянусь детьми, что ни слова не солгал вам!

Он замолчал, оглянулся и почти шепотом добавил:

– Да простит меня Аллах... Я скажу вам. Они придут. Скоро. Здесь они хотят обустроить свои склады. Много складов с оружием, гранатами и минами...

Махмед замолчал и, ни слова не говоря больше, быстро пошел в обратную сторону.

– Ты правильно перевел? – спросил Ашот у Алимова.

– Клянусь Аллахом, – попытался сострить солдат. – Дословно.

– Пошли отсюда, – коротко сказал Нестеров и зашагал вперед.

Девушка пошла с ним рядом, почти вплотную. Бойцы чуть отстали. Они все еще делили деньги, которые дал им афганец...

* * *

Воблин нервно курил одну сигарету за другой.

– Значит, в кишлак идет банда с оружием?

Он прикурил новую сигарету и с сомнением покачал головой.

– Враки. В кишлак «духи» не сунутся. В нем полно жителей, на хера «духам» подставлять своих единоверцев под огонь нашей артиллерии? Ваш афганец – вун и провокатор. Он нас просто заманивает в ловушку. Этот говнюк хочет, чтобы мы стянули сюда лучшие подразделения, стали кольцом вокруг кишлака, чтобы потом расстрелять нас с четырех сторон.

– Предположим, душманы готовят ловушку, – произнес Звягин задумчиво. – В таком случае мне остается лишь выразить свое восхищение их дальновидностью и способностью предвидеть будущее.

– Не понял тебя!

– Как они могли знать, что сегодня по этой дороге пройдет колонна, которая остановится у кишлака – привал ведь был незапланированным, ждали Нестерова. Откуда они могли знать, что с нами будет медсестра, которая сразу согласится осмотреть жену афганца? Неужели рождение ребенка – тоже в плане ловушки?

– Ты напрасно иронизируешь, Звягин! – резко ответил Воблин. – Все значительно проще. Послушай теперь мой вариант. Душманы подготовили ловушку. Во-первых, они обстреляли нас у кишлака. Обычно колонны всегда после обстрела встают на короткий привал. Второе: либо медсестра, либо солдат-фельдшер есть в каждом подразделении. И в-тре-

тых, жене этого афганца нетрудно было симулировать недомогание. Вы же мне сами сказали, что та женщина практически здорова.

– Патронташ! – вдруг воскликнул Ашот и хлопнул себя по лбу ладонью. – Как все просто!

– Какой патронташ? – насторожился Воблин.

– В комнате Махмеда мы видели кожаный ремень-патронташ.

– Ну вот, – оживился Воблин. – Эта деталь говорит о том, что я прав. Ваш афганец – душара чистейшей воды.

– Нет, нет! Как раз наоборот! – махнул рукой Вартанян. – Эта деталь доказывает, что Махмед говорил правду. Если бы «духи» заранее готовили весь этот спектакль, то уж постарались бы не оставить никаких улик... Нам повезло! Мы случайно узнали о том, что завтра ночью в кишлак придет банда. Надо быть полным идиотом, чтобы не воспользоваться случаем!

– Полный идиот – это относится ко мне? – с подозрением спросил Воблин и, качая головой, вздохнул: – Вы доверчивы, аки девицы, а разведчик всегда должен сомневаться... Ты что предлагаешь, Звягин?

– Сегодня ночевать здесь: ехать на закате дня – безумство. А завтра ночью вернуться, разумеется, по другому маршруту, в пешем порядке, со стороны сопки. Блокировать кишлак и раздолбать «духов».

– А если мы блокируем его, а в нем не окажется ни одного человека? Ни махмудов, ни их жен и детишек? Начинаем искать несуществующие склады и оказываемся в западне. И нас перемешивают с собственным дерьмом. Вам это надо? Мне не надо. Я хочу вернуться в Союз живым. И хочу, чтобы вы тоже еще попили водочки и потискали девушек.

– Так что вы предлагаете?

– Свалить отсюда как можно скорее. О глупом разговоре с афганцем «наверх» не докладывать. Ничего не было. Никто не слышал про «духов» и склады... Чего ты морщишься, Нестеров?

– Черт его знает, товарищ капитан... Не могу ясно выразиться, но мне как-то не по себе. Мы, значит, свалим отсюда как можно скорее, а днем позже кто-то из наших нарвется здесь на банду... Не по-товарищески все это...

– У, блин! Ты где таких слов понахватался? Принципиальный?

– Да при чем здесь это! Я просто мужик. Понятно? Мужик! Я своим свинью не подкладываю.

– Слушай, Нестеров! Мне иногда хочется тебя убить. Какую свинью? Какой-то тупой дехканин брякнул тебе про «духов» и склады с оружием, а ты поверил. Я не всегда доверяю даже трижды проверенным разведанным, а ты готов подписаться под словами обкуренного недоумка.

– Интуиция, товарищ капитан.

Воблин поморщился.

– Я твоя интуиция, пацан! Понятно? Мой опыт все-таки побольше твоего. И я предпочитаю, чтобы на войне каждый занимался своим делом. Мы сейчас не готовы к активным действиям. Наша задача – сохранить жизнь бойцам. Если мы сейчас свяжемся с центром боевого управления и только заикнемся про бредни старого разбойника, то нас немедленно заставят самим решать проблему. Разве вы не знаете, что в армии так всегда – кто кидает идею, тот первым ее и решает. Потому требую забыть все, что вы услышали в кишлаке.

– Я так не могу, – из-за спины Воблина сказал Ашот и принялся нервно грызть ногти. – У меня земляк служит в автобате, через пару дней ему с колонной проезжать мимо этого кишлака. А вдруг ему здесь шиздюлей навешают? Получается, что я знал об опасности, но его не предупредил... Не могу я так...

– Ну, хорошо, – процедил Воблин, яростно расчесывая багровую шею. – Один не может, другой не может... Сборище безвольных мудаков... Хорошо, будь по-вашему. Я поставлю в известность цэбэу о приходе банды. Только они получают информацию не от меня, а от первоисточника... Нестеров! Бери с собой пятерых бойцов, шиздуй в кишлак и приведи сюда этого вашего старика Хоттабыча. Для начала я его переправлю к хадовцам, пусть они ему иголки под ногти засунут, а потом динамо-машинку к яйцам... Узнаем, что у него на уме и кто такие его хозяева.

– Вы чего, товарищ капитан! – отшатнулся от начальника штаба Нестеров. – За что его сдавать хадовцам? Там же звери работают, а не люди!

– Вот именно звери и нужны для поисков истины, мальчик.

– Нет, – покрутил головой лейтенант. – Так нельзя... У него жена с кровати не встает, трое детей малолетних. На фига издеваться над человеком?

– Нестеров прав, – поддержал товарища Ашот. – Не надо мужика трогать. Он нам доброе дело сделал, что предупредил, а мы его зверям сдать хотим.

Воблин всплеснул руками.

– Я тащусь от вас, товарищи офицеры. Вы сами для начала разберитесь, чего хотите! Если намерены обезвредить банду, то сперва обработайте все источники информации, чтобы иметь полную и достоверную картину. А если собираетесь пересчитывать чужих детишек, то лучше засуньте свои языки себе в задницы и молчите! Прислушайтесь к совету старшего товарища. А то хотите и рыбку съесть, и на фуй сесть.

– Не только мы, – вздохнул Ашот. – Все так хотят – объять необъятное. И коммунизм в Афгане построить, и чтобы в нас не стреляли.

– Все! Вопрос решен! – перебил его Воблин. – Ночуем здесь. Даже если в самом деле «духи» намереваются обустроить здесь склады, то этой ночью они нас не тронут и дадут спокойно уйти утром. Можете до заката заняться благотворительностью, скупить все дерьмо в близлежащих дуканах, вылечить от сифилиса всех местных жителей и обменять хлеб и сахар на анашу. Все свободны!

* * *

Батальон готовился к ночлегу. Бронетранспортеры и боевые машины пехоты расположились кольцом, в котором прижались друг к другу бензозаправщики, полевая кухня и командно– штабная машина. Звягин, организуя выносные посты, выехал на противоположную окраину кишлака, ближе к горам. Вартанян и Нестеров сидели на броне и готовили схемы постов и маршрутов часовых.

– Мне нравится твоя медсестра, – не вынимая изо рта сигареты, сказал Ашот. – Ты с ней уже перепихнулся?

– Нет, – ответил Нестеров, не поднимая головы. Он рисовал на тетрадном листе схему опорного пункта.

– На твоём месте я бы предложил ей переспать. Ты холост и обворожителен. Или боишься Воблина?

– Кто у тебя в третьей смене пойдет?

– Пиши Курченко и Богданова...

– Шарыгин! – позвал Нестеров.

Сержант вместе с Бенкечем менял пробитое пулями переднее колесо.

– Шарыгин, сгоняй на кухню и принеси нам с Вартаняном ужин... Вообще-то возьми три порции. Медсестру тоже надо покормить.

Вартанян, долго вымучивая первое слово, сказал:

– Д-для такого случая жертвую вареньем из ереванской айвы.

Гремя ботинками, он шумно спустился внутрь машины.

– Послушай, Ашот, а где устроить ее на ночлег?

– О! – Вартанян вынырнул из люка с банкой варенья в руках. – Это уже ближе к теме. На своем матрасе, разумеется. Но сначала спроси у нее: мол, где вы, мадам, предпочитаете спать – на железном полу бэтэра или на моем матрасе? Она, конечно, скажет: на матрасе. А ты ей: ладно, фиг с тобой, но учти, что сначала я сверху, а ты снизу, а потом поменяемся.

Нестеров вздохнул:

– Дать тебе нитку с иголкой, чтобы ты зашил себе рот. Словесный понос какой-то...

– А ты разве не хочешь бабу?

– Хочу. Но вот так – в бушлате, внутри бэтэра... Нет, так не могу.

– Понимаю! Тебе нужен душ, двуспальная кровать, накрахмаленные простыни.

– Не тренди... Простыни тут вовсе ни при чем. В женщину, прежде чем с ней спать, надо быть влюбленным. Хотя бы чуть-чуть.

– Ты романтик, старичок. В отличие от тебя я априори влюблен во всех женщин планеты... Учти, сегодня у тебя единственный шанс. Воблин уже положил на нее глаз. Это гарантированный успех. Медсестра отдастся ему из жалости.

– Возьми у меня в правом кармане гранату.

– Зачем?

– Засунь ее себе в рот. Я больше не могу тебя слушать.

В тусклом свете зеленой лампочки Ашот растаскивал в утробе машины ящики с патронами, сооружая из них какое-то подобие стола. Скатерть заменил большой красочный плакат-реклама. Белозубая девица в голубых джинсах счастливо улыбалась из-под банок тушенки и головок чеснока. Расставив кружки, Ашот сел на хрупкий стульчик наводчика пулемета и закурил.

Тут Нестеров увидел медсестру. Она вышла из-за сопки, где протекала река, шла неторопливо, глядя на толпящихся у полевой кухни солдат. Бушлат расстегнут, руки в карманах. Туристка! За ней, как конвойный, шел «телохранитель» – Шарыгин с автоматом.

Нестеров прыгнул с брони.

– Поужинайте с нами, если хотите. Ашот накрыл в бэтэре. Ложку и кружку мы вам найдем. Разносолов не предлагаю, но...

– Это ваш солдат? – перебила она и кивнула на Шарыгина. – Я его несколько раз просила: не иди за мной, я хочу помыться. Вы его научите, пожалуйста, правилам хорошего тона.

Нестеров скривил губы.

– А что случилось?

– Я не могла уединиться. Он прилип как банный лист.

– Это ужасно! – покачал головой Нестеров. – И сержант наверняка увидел что-то непозволительное.

– Не надо иронизировать. Мне вовсе не доставило удовольствия раздеваться у него на глазах. И этот наглец даже не подумал отвернуться.

– Вода в ручье холодная? – попытался сменить тему Нестеров.

– Ледяная.

– Заметно: вы синяя.

– Вы поняли, о чем я вас попросила?

Нестеров протянул руку девушке и помог ей забраться на броню.

– Я хорошо вас понял, – ответил он. – И в свою очередь хочу, чтобы вы меня тоже поняли. Я приказал Шарыгину сопровождать вас повсюду, куда бы вы ни пошли. И приказ свой отменять не собираюсь. Он не будет оставлять вас одну за пределами охранения. Он приставлен к вам не для того, чтобы подсматривать, как вы купаетесь в реке, а для того,

чтобы в случае чего спасти вам жизнь. Это закон войны. О своих претензиях вы можете доложить Воблину.

Девушка нахмурила брови и уже была готова сказать в ответ что-то дерзкое, но передумала и промолчала.

– Заходите, гостем будете, – раздался голос Вартаняна из люка. Он стругал копченую колбасу. Увидев в люке девушку, отложил нож и, низко пригнувшись, сделал подобие реверанса.

Нестеров подал руку, чтобы помочь медсестре забраться внутрь, но она сделала вид, что не заметила его движения, и ловко скользнула в люк.

Подвинув к себе кружки, Ашот разлил в них апельсиновый сок, затем стал доливать спирт из фляги.

– Вам тоже сделать коктейль? – спросил он медсестру. Его рука с флягой замерла над третьей кружкой.

– Конечно! – ответила девушка. – Разве закон войны не для меня писан? Разве я не такая же, как вы? Мы все одинаковые, без признаков различия. Наши поступки определяет один лишь боевой устав, а приказ командира заменяет собой этикет. Прошу обращаться ко мне, как к мужику. Можете хлопнуть меня по плечу. Можете при мне ругаться матом. Если захочется оправиться, то не стесняйтесь, делайте это прямо с брони... Что ж вы не льете водку? Давайте-давайте, щедрее! Сегодня я прошла боевое крещение!

– Да ради бога! – воскликнул Ашот. – Мне разве жалко водки? Налью, сколько скажете. Просто я подумал, что девушке такая адская смесь может не понравиться...

– Девушке? Забудьте о том, что я девушка. Я боец. Война снимает с вас обязанность делить людей по признакам пола.

– Не обижайтесь на меня, – сказал Нестеров. – Я хотел, чтобы вам было здесь комфортнее и спокойнее.

– Да я не обижаюсь, – махнула рукой медсестра. – Наверное, вы правы.

Глухо лязгнули кружки. Ашот выпил залпом и занюхал луковицей. Нестеров тоже опустошил кружку одним глотком и прижал к носу рукав. Девушка выпила «коктейль» медленно, осторожно, боясь поперхнуться. Поставила кружку, замерла, прислушиваясь к ощущениям, потом выдохнула и попросила сигарету.

– Давайте знакомиться, что ли? – сказала она, прикурив у Ашота. – Я Ирина. Вас, товарищ лейтенант, я знаю. Вы – Саша Нестеров. А вы?

Вартанян стукнул себя кулаком в грудь, представился и снова взялся за флягу.

– Теперь выпьем за знакомство!

– Мне больше не надо, – остановила его Ирина. – Я хоть и боец, но все-таки маломощный, и спирт с соком для меня тяжелое испытание... Уже все поплыло перед глазами... А вы пейте, не стесняйтесь. Здесь все свои.

– Может, приляжете? – выразил беспокойство Ашот.

– На матрас? – усмехнулась Ирина. – Сначала снизу, а потом сверху?

Нестеров подавился кусочком хлеба и закашлялся. Ашот густо покраснел.

– Не обращайтесь внимания, – проявила великодушие Ирина. – Я вовсе не обижаюсь. Нечаянно услышала ваш разговор... Не обольщайтесь, не вы первые шутите на эту тему. В госпитале я всякого понаслышалась. Все мужики одинаковые. И слава богу, что вы еще иногда говорите о женщинах. Особенно мне было приятно узнать, что товарищ лейтенант Нестеров должен хотя бы чуть-чуть влюбиться в женщину, чтобы позволить себе переспать с ней...

– Я... – смущенно произнес Нестеров. – Я говорил... В общем, как думал, так и говорил.

– Все правильно, – поддержала его Ирина. – Мы сейчас все говорим то, что думаем. На войне человек становится необыкновенно честным. Он не стыдится своих слов. Потому что... потому что...

– Не будем о грустном, – перебил Вартанян. – Скажите, Ирина, вы сегодня здорово испугались под обстрелом?

– Сама не знаю... Странно все это. Мне уже не верится, что сегодня по нам стреляли, и тот парнишка вытаскивал меня через люк, и надо было пригнуться низко к земле. Кино!

– Вам это кино еще смотреть и смотреть, – сказал Нестеров. – А зачем вы вообще приехали в Афганистан?

– Так и знала, что спросите. И ваш начальник штаба весь день допытывался... Я не хочу говорить об этом. Личные неурядицы, семейные драмы – все это вам вряд ли будет интересно. Я не могла поступить иначе. Мне надо было уйти от себя, родиться заново, чтобы отсечь, как скальпелем, прошлое...

– И как? Отсекли?

– Отсекла.

– И прошлую любовь?

Ирина помолчала, затем кивнула.

– И прошлую любовь тоже.

– У нас есть старшина роты Ефимов, – сочно откусывая луковицу, сказал Ашот. – Сейчас он в отпуске. Год назад подорвался на мине-итальянке, удачно, правда. Ноги ему немного погнуло, одна стала короче другой, зато все остальное... в смысле, мужское сокровище, уцелело. Когда вышел из госпиталя, сказал: «К чертовой матери такую службу! Ухожу на гражданку! Надоело!» Но подошло время заменяться в Союз, и он затосковал, запил по-черному. Три дня мучился, потом написал рапорт и остался с нами... Афганистан, Ира, это большая загадка. Чем больше здесь пережито, тем сильнее потом ностальгия. Мне уволившиеся бойцы пачками письма присылают: Ашотик, мы хотим вернуться! Мы хотим в строй, в роту, у нас руки тоскуют по автомату! Как это сделать? Может, школу прапорщиков окончить? С ума мальчишки посходили, мучаются от либидо к смерти.

– Вы не поняли меня, Ашот. – Девушка выкинула окурочку в люк. – Я здесь вовсе не упиваюсь счастьем. И потом, когда уеду в Союз, вряд ли буду вспоминать Афган как лучший период своей жизни. Больничные палаты и окровавленные культы будут долго сниться мне в кошмарных снах. И продлять контракт я не стану. Афган для меня – стена, отделяющая прошлую жизнь от прежней. Здесь я замуровала, навсегда похоронила свое прошлое. Я приехала сюда, потому что мне нужно было потрясение иного рода. Мне нужно было заболеть, чтобы обрести стойкий иммунитет. Мне надо было переключиться, надо было сделать нравственное усилие, чтобы оживить чувства, которые уже начали отмирать... Каждому из нас в жизни нужен свой Афган...

– Может быть, вы найдете здесь новую любовь, – предположил Ашот и подмигнул Нестерову.

– Может быть, – равнодушно ответила Ирина. – Да что говорить о любви! Здесь всякая мелочь становится праздником. Всего полгода прошло, а я уже начинаю мечтать о приехавших когда-то пустяках: о музыке, красиво одетых людях, о танцах... Хочу, чтобы наступил Новый год. А вы?

– А-а-а! – воскликнул Нестеров. – Вот вы и раскрылись! Никакой вы не боец. Вы, как ни старайтесь, все равно останетесь женщиной. Слабой, наивной, с пестрыми, как конфетти, мечтами. Бойцы в отличие от вас уже не хотят Нового года. Стойкая ассоциация – в праздники «духи» усиливают активность провокаций и обстрелов. Где мы праздновали этот Новый год, Ашот?

– На южном спуске перевала Саланг. Отличная, Ира, была ночь: метель, снег, мороз. Красиво одетых людей, правда, не было. Зато были «духи» в модных вечерних чалмах и стеганых халатах. А вместо фейерверка – обстрел из минометов. И танцы были. Помнишь, Саня, как мы вытанцовывали, лежа на снегу, а чтобы согреть замерзшие пальцы, совали их в рот...

– Я вас обидела? – Ирина спрятала лицо в воротник бушлата. – Вам просто не повезло с этим Новым годом. Но все светлое и хорошее – еще впереди. В это надо верить. Мы – люди. Мы все родились в нормальной стране. Мы все хотим добра и мира. Просто надо стиснуть зубы и немного потерпеть ради будущего счастья. Иначе зачем тогда жить?

– Жить надо ради выполнения интернационального долга. Ради трусливых приказов Воблина. Ради самодуров-командиров, – высказался Ашот.

– Не верю, что вы так думаете на самом деле.

– Странный вы человек, Ирина, – снисходительно улыбнулся Нестеров. – Музыка, танцы... Забудьте об этом, пока вы в Афгане. Легче жить будет. Здесь нельзя желать несбыточного. Довольствуйтесь малым, выбирайте из того, что есть. Мечтаете о празднике? Пожалуйста! Вот праздничный стол, вот спирт, вот луковица, вот гости – два выпивших, небритых, дурно пахнущих офицера. И давайте пить спиртягу за то, что мы, вопреки обстоятельствам, все-таки живем.

Ирина долгим взглядом посмотрела на Нестерова:

– Вы это искренне говорите? Да вы просто нашли прекрасный повод расслабиться! Война – это всего лишь повод. Можно не бриться. Можно быть грязным. Можно сквернословить. Лакать спирт – да ради бога! Все можно! Война ведь! Но ведь ваша истинная суть остается прежней, без каких-либо поправок на войну. Вы хотите влюбиться, хотите быть любимым, вам опротивела форма, оружие и бронетранспортер. Вы живете бесконечным ожиданием того светлого дня, когда Афган останется позади. Вы закрываете глаза и видите любимую женщину, которая сначала снизу, а потом сверху...

– Ирина, вы вгоняете меня в краску.

– А вы не изображайте из себя зачерствевшего мужлана, для которого война стала родной матерью. Вам этот образ не идет. На самом деле вы хрупкий юноша, робкий, стеснительный, который не знает, что надо делать в первую очередь – вручать девушке цветы, а потом целовать или наоборот. И какой вам еще матрас, милый мой мальчик! Вы же девственник, вы же святой!

– А вы дура, – процедил Нестеров сквозь зубы и плеснул себе в кружку спирта.

– Эй, эй! Ребята! – заволовался Ашот. – Вас куда-то не туда понесло!

– Может, я и дура. Но вы – святой мальчик. Я, между прочим, старше вас, – произнесла Ирина и вдруг рассмеялась: – Представляете, Воблин сегодня предложил мне выйти за него замуж.

– Я это предвидел! – взвыл Ашот.

– И что, вы думаете, я ему ответила?

– «Пошел вон, старый козел!» – выдал версию Ашот.

– Неправильно. Я согласилась.

Нестеров, скрестив руки на груди, подозрительно посмотрел на девушку:

– Согласилась? Ты согласилась выйти за него замуж?

Он даже сам не заметил, как перешел на «ты».

– Да, согласилась. Правда, Воблин тотчас поправился. Я, мол, хочу пожениться понарошку, на один год, пока я тут служу. Создать, так сказать, временную боевую семью... Кто бы видел, как я хохотала! Вот напугала мужика! Он даже заикаться начал!

Ирина молчала и сосредоточенно раскатывала в руке хлебный мякиш.

– Вы не обращайтесь на меня внимания, – сказала она, когда пауза затянулась. – Я, наверное, испортила вам настроение? На меня иногда находит такое. Хочется выговориться. Причем рассказать о себе самое затаенное, глубоко спрятанное... Здесь это можно. Здесь это легко. Я выговорила – ну и что? Завтра меня прибьет какой-нибудь душманский снайпер, и стыдно за свои слова уже никогда не будет. Полная свобода и раскрепощение!

Разговор больше не складывался. Пропев: «А-а! И тигры заменщика съели», Варта-нян откинулся на крохотную спинку стульчика, закурил «с позволения мадам» и стал с любопытством изучать профиль девушки, слабо освещенный зеленой башенной подсветкой.

Нестеров разлил в кружки чай, уже остывший, с легким запахом солярки, положил на стол горсть кускового сахара.

Ашот начал неудержимо зевать, затем пошарил рукой в темноте в поисках шапки, взял со стола головку лука и сказал:

– Пойду посты проверю...

Он долго пытался в черном проеме люка, на стол сыпались кусочки глины от его ботинок.

Ирина молчала, покачивая в руках кружку с чаем, смотрела куда-то в черную утробу машины.

– Вам было страшно тогда, – не то спрашивая, не то утверждая, сказала Ирина. – А я думала, что это – конец. Это страшно – умирать в двадцать пять. А потом, когда мы вошли в дом к афганцу, я поймала себя на мысли, что переживания этого человека кажутся мне пустяковыми и ничтожными. Да пошел он к черту со своей женой, со своими детьми! Кто он мне? Зачем мне его проблемы? Весь мир вращается вокруг меня, я его ось, точка отсчета... Наверное, с таких вот мыслей человек начинает черстветь. Человек сжимается как шагреновая кожа, втягивается, будто улитка, в свой крохотный мирок, заполненный исключительно личными проблемами. И становится маленьким-маленьким, как маковое зернышко...

Девушка вдруг замолчала и стала застегивать на себе бушлат.

– Кажется, у меня иссякли последние силы. Вы не представляете, как я устала. Слишком много всего для одного дня.

Нестеров встал:

– Сейчас я узнаю у Воблина, где он думает устроить вас.

Он подтянулся на люке, вылез на броню. Ирина негромко позвала его:

– Подождите... Не надо у него ничего спрашивать. Я буду спать здесь. На вашем матрасе. Если, конечно, позволите...

Нестеров лег на броне. Он подстелил под себя пухлый рулон маскировочной сети, лег на спину и долго смотрел на огромное звездное небо.

Вдруг рядом он услышал тихий голос сержанта Шарыгина:

– Товарищ лейтенант, вы не спите?

– Уже не сплю. Чего тебе, Шарыгин?

– Воблин вас вызывает. Срочно.

Глава 4

Начальник штаба сидел у костра и палкой разгребал светящиеся угли, прикрыв глаза ладонью. Взглянув на Нестерова, он скинул наброшенный на плечи бушлат, расстегнул верхнюю пуговицу кителя, оттянул ворот тельняшки и покрутил шеей.

– Садись, Нестеров, садись. В ногах правды нет.

Нестеров сел напротив, снял шапку. Воблин задумчиво барабанил по закопченной до черноты кружке пальцами.

– Чаю налить?.. А я уже третью кружку в себя вливаю. Пить до смерти хочется. Сушняк.

Он изо всех сил старался говорить непринужденно:

– Я вот по какому поводу вызвал тебя, Нестеров... Девчонка где наша?

– Спит.

– Где спит?

– В бэтээре.

– В твоём?

– В моем.

Воблин сдержанно улыбнулся и швырнул недокуренную сигарету в костер.

– Прекрасно!

Он снова взял в руки кружку, но тут же отставил ее.

– Почему не доложил об этом мне? Между прочим, я волнуюсь, не сплю. Пропала медсестра, никто не знает, где она. Хотя в штаб полка сообщай.

– Вы же сами определили ей место в моей машине. А на какое время – не уточнили.

Воблин долгим взглядом посмотрел на Нестерова.

– Ну, хорошо, – очень тихо и спокойно сказал Воблин, – давай говорить прямо. Думаешь, я не знаю, чем вы там занимаетесь? Водку пил?

– Пил.

– Почему прогнал Ашота?

– Я его не прогонял. Он ушел проверять посты.

Воблин вдруг вспыхнул:

– Слушай, лейтенант! Не надо мне лапшу на уши вешать! Не делай из меня дурака! Я не позволю тебе устраивать здесь блядство! Мы в боевой обстановке! От нас требуются дисциплина и порядок! Офицеры обязаны поддерживать высочайшую боеготовность, а не сюсюкаться с девушками! Ты вконец распустился! Полностью обнаглел! Молокосос! Я тебе покажу службу! Я, бля, еще не таких сосунков ломал... Я тебе, на фиг, покажу... Я... Я...

Он заходился от гнева. Вскочил на ноги, кружка со звоном покатилась по камням.

– Сюда ее! Сюда немедленно! – шипел он. – Я сам определяю ей место для ночлега! Она будет спать, где я скажу! Потому что я здесь командую! Сопляк! Распустились, бля! Сюда немедленно!

Спотыкаясь, Нестеров шел в темноте к своему бронетранспортеру. Часовой, обходя командно-штабную машину, спросил для порядка:

– Кто идет?

Нестеров не ответил часовому, позвал сержанта:

– Шарыгин!

Тотчас сержант отозвался из темноты.

– Слушай меня, Шарыгин. – Нестеров тронул сержанта за плечо. – Я назначаю еще один пост – мой бэтээр. Поставь сюда часовым толкового бойца и объясни ему, чтобы к машине никого не подпускал! Ни-ко-го! Кто не слушается – стрелять вверх и вызывать караул по тревоге. Понял? А я буду в охране.

– Ясно, товарищ лейтенант. Не беспокойтесь. Мышь не пролезет.
– Да хер с ней, с мышью! Главное, чтобы Воблин не пролез!
– Понял, не дурак.
– Спасибо, Шарыгин. С меня бакшиш тебе на дембель, – ответил Нестеров и пошел вдоль машин на верх сопки, которая перечеркивала звездное небо.

...Нестеров хорошо запомнил тот пасмурный и унылый день, последний день их долгого и опасного пути. Он помнил холодное туманное утро после тяжелого разговора с начальником штаба и бессонной ночи в охранении и бледную, невеселую после сна Ирину с подпухшим лицом. Он смотрел на нее, когда она умывалась в ледяной воде реки, растирала полотенцем слабо порозовевшие щеки. Помнил, как там же, рядом с боевыми машинами, она осматривала заболевшего какой-то болезнью афганского мальчика, который ходил по снегу босиком и не чувствовал холода. Запомнилась ему и гнетущая дорога через разрушенный и безлюдный кишлак, томительное ожидание обстрела. Помнил Нестеров, с каким интересом они с Вартаняном ходили по территории сахарного завода, разглядывая молодых рабочих с оружием за плечами. Помнил грохот нашей техники на шумных улицах Талукана, вытянутого на несколько километров вдоль центральной магистрали, на которых пестрели рынки, обшарпанные кинотеатры, похожие друг на друга духаны. Остались в памяти сказочное зрелище горного озера, белоснежные пики и отвесные рыжие скалы, где одинокие выстрелы отзывались шипящим многоголосым эхом, и обед на «точке», размещенной в бывшем кемпинге, с номерами, вестибюлем, раздевалками у озера, и грустный рассказ о погибшем тут недавно офицере, который подорвался на душманской мине, и узкая темная расщелина между отвесными стенами, и необъяснимое спокойствие Ирины, ее искренний восторг от немых зловещих гор...

К шести часам вечера колонна, наконец, вернулась на базу. Ирина, простившись с Нестеровым и Вартаняном, перекинула бушлат через плечо и пошла в госпиталь. Воблин приказал Звягину пополнить боезапас, получить сухпак из расчета на три дня, подготовить технику к выходу и ушел в центр боевого управления с докладом.

Вернулся он, когда уже стемнело.

– Окончательное решение еще не принято, – сказал он офицерам, торопливо покуривая и не поднимая глаз. – Но не исключено, что нас поднимут под утро. Сведения о караване с оружием уже поступили хадовцам! «Зеленые»¹ отслеживают банду. Словом, может понадобиться наша помощь. Прошу всех офицеров ночевать в своих комнатах.

И Воблин выразительно посмотрел на Нестерова...

Зайдя к себе в комнату, Нестеров, не сняв ботинок, рухнул на койку. Вартанян ходил в спортивных брюках от окна к двери, почесывал грудь и причитал:

– Звягин – хороший парень, но иногда бывает придирчивым, как сержант в учебке. Вот час назад говорит мне: «Строй взвод, посмотрю, как подготовились твои гаврики». Построились. Он молча обошел взвод и заявляет: «У всех грязные подворотнички. Привести себя в порядок. Построение через пятнадцать минут». Я думаю: понятно, устал человек, а поэтому злой. Подшили мои бойцы чистые тряпочки и снова в строй. Он молча берет у Бенкеча автомат. Рожок – щелк! И надавил пальцем на пружину. «Не смазан, – говорит. – Надо привести оружие в порядок. Разойдись, построение через полчаса». Я не выдержал, подхожу к нему и говорю: «Бог с тобой, Серега, давай уже не будем выеживаться. Пусть бойцы отдохнут». Ты представляешь, Сань? Он, не моргнув глазом, говорит: «А тебе, Ашот, надо постричься и сбрить бороду». Фули он к моей бороде прицепился? Чем она ему не нравится? В бою она мне не мешает. С бородой я на душару похож, меньше шансов, что подстрелят...

¹ Подразделения афганской армии.

Нестеров лежал с закрытыми глазами и не очень внимательно слушал Вартаняна. Звягин пришел в роту на полгода позже самого молодого командира взвода – Нестерова. Представлял нового ротного комбат. Первое впечатление о Звягине у всех командиров взводов сложилось не очень хорошее. Чистенький, отутюженный, всегда выбритый, он шел вдоль строя, внимательно глядя на пропыленных, посеревших от усталости солдат – рота несколько часов назад вернулась с боевых, – и сказал: «Внешний вид личного состава неудовлетворительный. Всем привести себя в порядок. Тогда и познакомимся». Офицеры думали, что первый бой сразу собьет всю спесь с нового командира. Но ошиблись. И после первого, и после второго боя Звягин остался прежним – бритый, чистый, отглаженный, трезвый – прямо как с картинки. И, зараза, заставлял командиров взводов выглядеть так же безупречно. Даже комбат удивлялся: рота Звягина готовилась к боевым, как к параду на Красной площади...

Вартанян с мученическим видом сбрасывал недельную щетину.

– У меня, Сань, два сына, – уже, наверное, в десятый раз рассказывал Ашот, – Арам и Гамлет. Так старший пишет мне: папа, можно я к тебе на помощь приеду, чтобы ты скорее домой вернулся?

В дверь постучали. Дневальный, просунув голову, сказал:

– Лейтенанта Нестерова к телефону!

Нестеров вышел в коридор. Солдат уже держал в вытянутой руке трубку.

– Слушаю!

– Добрый вечер, Саша. Это Ирина. Вы очень заняты?

Этого Нестеров никак не ожидал... Он зачем-то посмотрел вокруг себя и с едва заметными нотками раздражения в голосе спросил:

– У вас что-нибудь случилось?

Ему не хотелось вслух называть ее имя.

– Да, случилось. Вы можете прийти ко мне в женский модуль?²

«Вот те раз!» – сконфуженно подумал Нестеров.

– Времени мало, – ответил он. – Мы готовимся к выезду.

– Понятно... И все-таки постарайтесь.

Вартанян по-прежнему сидел у зеркала с бритвой в руке.

– Я тебе нравлюсь? – спросил он Нестерова и повернулся лицом к нему. Нестеров невольно улыбнулся. Выбрита была лишь одна половина лица. – Воблин звонил?

– Нет, Ирина.

Вартанян даже подскочил:

– Вот это да! Все-таки вскружил девчонке голову! Я так и думал! Ах, как клево мы утерли нос Воблину. На-кася выкуси! Ирина наша! Браво, Саня! Надевай чистые трусы и бегом к ней!

– Зачем?

Вартанян скрестил руки на волосатой груди. Мыльная пена сползла с его щек на шею.

– Прикидываешься или в самом деле не понимаешь? Зачем мужчина приходит домой к женщине? Да чтобы кроссворды решать, дубина!

– Она просто хочет доказать, что была права.

– Так она и была права. Я с ней полностью согласен! Ты – романтик, нецелованный пацан, и сейчас тебе предстоит пройти обряд превращения в мужчину.

– Какой, к черту, обряд? Мне надо бойцов готовить к выходу.

– Я подготовлю. Иди, чучело! У тебя точно мозги на войне повернуты! Беги бегом! Женщины медленно разогреваются, но уж если разогрелись, то ты их уже не остановишь. Не играй с огнем, Саня!

² Модуль – сборно-щитовой одноэтажный дом.

– Ашот, да она просто издевается надо мной!
– Она влюблена в тебя, козел! Эй, эй, ты чего куртку снимаешь?? Я сказал тебе поменьше только трусы.
– Да пошел ты... – огрызнулся Нестеров. – Никуда не пойду, – и опять лег на койку.
– Сумасшедший! – возопил Вартанян. – Судьба дарит тебе шанс утереть нос Воблину и окунуться в океан женских ласк! Клянусь хребтом Гиндукуша, ни один уважающий себя мужчина не отказал бы женщине.
– Я устал, – сказал Нестеров едва слышно, закрывая глаза. – Я смертельно устал, Ашот...

* * *

Нестеров долго не мог уснуть. Ашот громко храпел, ворочался во сне и что-то невнятно бормотал. По потолку скользили голубоватые призрачные блики. Где-то за окном едва слышно гудели движки боевых машин, раздавались отрывистые слова команд, приглушенный топот сапог. Нестеров высвободил из-под одеяла руку, провел ею по тумбочке в поисках часов. Задел банку тушенки, та упала и с грохотом покатилась по полу. Ашот зевнул и буркнул:

– Спи, еще рано.

«Что со мной? – думал Нестеров. – Я еще никогда не волновался так, как сейчас».

Ему не хотелось думать о предстоящем выезде. Два часа назад он вернулся от Ирины. Вечер получился сумбурным, скомканным. Ирина была не одна – с подругами. Нестерова пригласили за стол, ежеминутно подливали чаю и наперебой предлагали разные виды варенья. Нестеров чувствовал себя скверно. Он не знал, о чем говорить и как вообще вести себя. В довершение всего он нечаянно опрокинул свою чашку и облил чаем платье Ирины.

Все, кроме Нестерова, прыснули от смеха, в то время как он, готовый провалиться сквозь землю со стыда, шепнул Ирине, что хочет выйти на воздух.

На улице было по-весеннему тепло, шел дождь. Ирина раскрыла зонтик и взяла Нестерова под руку.

Они ходили по раскисшим, присыпанным гравием дорогам между бесконечных линий колючей проволоки. Ирина опять вспоминала обстрел на шоссе и почти с суеверием доказывала, что он, Нестеров, просто везучий и те, кто рядом с ним, гарантированы от неудач. Так они дошли до самого торца взлетной полосы аэродрома, за которым начинались позиции боевого охранения и минные поля. Дождь усилился, и они спрятались под фюзеляжем зачехленного и, по-видимому, уже не летающего «Ан-12». Нестеров осветил фонариком кучу спутанных маскировочных сетей и с восторженным возгласом упал на них, словно на роскошную перину. Здесь было уютно и сухо. Задышавшись, они долго и неистово целовали друг друга, изредка прислушиваясь к атакам дождя, который горохом барабанил по обвисшим крыльям самолета.

Назад они шли быстро, не обходя луж и почти не разговаривая, словно стыдясь того, что между ними случилось. Прощались недолго. Нестеров видел – девушка хочет о чем-то спросить его, но, предупреждая любой вопрос, он все время демонстративно смотрел на часы и переводил разговор на тему ночного выезда. Ирина, словно догадавшись, что на уме у Нестерова, наконец решительно протянула свою ладонь и необычно крепко ответила на рукопожатие...

– Саша, я, наверное, дура, но... как бы это сказать... как бы это сказать...

Она так и не смогла подобрать подходящие слова.

* * *

Нестеров повернулся на другой бок и сделал отчаянную попытку заснуть, но сон отшибло начисто. Тогда Нестеров встал с постели, закурил у окна. Чувство страха усиливалось. Он заметил, что сигарета дрожит в руке и ее малиновый огонек пляшет у запотевшего окна. «Что со мной происходит? – думал Нестеров. – Такого раньше никогда не было. Надо успокоиться, надо взять себя в руки...»

За дверью в коридоре все громче и громче гремели тяжелые шаги. Нестеров замер, напрягся, словно сейчас должно было произойти что-то страшное. В дверь, как ему показалось, с силой ударили кулаком. Тусклый свет брызнул в комнату.

– Кто это там костями гремит? – выкрикнул Нестеров.

На пороге стоял огромный солдат с автоматом за спиной и в каске.

– Подъем, товарищ лейтенант! Выезжаем!

Нестеров шагнул к Вартаняну и толкнул его в плечо. Тот что-то забормотал и, ничего не соображая, сел в койке. «Что со мной? Что со мной?» – повторял в уме Нестеров, удивляясь своему состоянию. Его трясло как в лихорадке. Стараясь сосредоточиться, Нестеров быстро оделся, повесил за спину автомат и, убедившись, что Вартанян окончательно проснулся, вышел из комнаты.

Ежеминутно спотыкаясь, Нестеров почти бежал по черной, залитой дождем дороге туда, где уже рокотали двигатели боевых машин. Он миновал столовку и на секунду остановился. Справа от него чернел окнами женский модуль. Не понимая зачем, Нестеров свернул к нему и вдруг не поверил своим глазам: в одной-единственной комнате горел свет. В ее комнате. Озираясь по сторонам, Нестеров тихо приблизился к окну и, словно делал что-то постыдное, прижался лицом к стеклу.

Ирину он увидел сразу. Она стояла к окну спиной, в легкомысленной розовой ночнушке, ее обнаженные руки лежали на плечах человека, который возвышался рядом. Вот она привстала на цыпочки, прильнула и поцеловала человека в щеку.

Потрясенный, Нестеров узнал в нем сержанта Шарыгина.

Глава 5

«Убью сержанта! В землю закопаю! На куски порву! Сопляк! Салага!»

Нестеров задыхался от гнева. Руки его невольно сжимались в кулаки. Он шел по раскисшей дороге, не видя идущих ему навстречу людей. С ним здоровались, солдаты отдавали ему честь – он не отвечал.

«Какого черта я связался с этой Ириной! Тварь! Продажная девка! Она просто опустила меня. Она добила своего, унизила, растоптала, кинула меня в грязь, доказала, что я – животное, не способное совладать с половым инстинктом. Теперь ликует – победительница! А сержант?! Мой лучший сержант, мой заместитель, моя правая рука – он предал меня, сука, он наставил мне рога! Почему я ему так доверял? Приставил к Ирине, чтобы он ее охранял... Ха-ха-ха! Нашел евнуха! Солдату никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя доверять женщину, потому что солдат всегда, сутки напролет, хочет всего три вещи: на дембель, жрать и трахаться... Убью гниду! Гранату ему в зад затолкаю... Скотина...»

Колонна разведроты уже стояла на дороге. Над боевыми машинами пехоты, тускло освещенными габаритными огнями, поднимались облака выхлопов, быстро тающие в холодном и влажном воздухе. На пустыре рядом с колонной смрадно горели пустые цинки с соляжкой; расвирепевший Воблин, распекая кого-то, пинал их ногами; огонь расплзался по земле, и солдаты в спешке давились кипятком, допивая чай. В свете габаритных огней сержанты строили отделения, перекрикивая гул двигателей, проверяли личный состав. Несколько солдат загружали десантное отделение БМП коробками с сухпайками. Коробки падали, солдаты поднимали их с земли, вбивали в переполненную машину ногами. Звягин стоял во главе колонны почти навывтяжку, руки держал за спиной и, казалось, совершенно спокойно наблюдал за тем, что происходило вокруг.

– Карицкий! – крикнул Нестеров, сдерживая раздражение. – Шарыгина ко мне! Немедленно! Из-под земли достать!

Солдат оглянулся, пожал плечами:

– Он куда-то пропал. Только что...

– Только что? – зло усмехнулся Нестеров. – Плохо врешь, солдат! Взвод, строиться!

Не в силах унять крупную дрожь в теле, Нестеров ходил кругами рядом с боевыми машинами. Когда его солдаты уже стояли в строю, к Нестерову, запыхавшись, подбежал Шарыгин:

– Разрешите встать в строй, товарищ лейтенант?

Нестеров сжал зубы, почти вплотную подошел к сержанту, схватил его за воротник куртки, притянул к себе.

– Где ты был?

– Я?... – Шарыгин все еще глубоко дышал. Он не знал, что ответить. Он не успел придумать оправдания.

– Мне... мне было надо...

– Я тебе башку оторву, – прошептал Нестеров. – Ты у меня до дембеля как самый чмошный сынок пчелкой летать будешь. Назначаю бессменным уборщиком полкового сортира... А теперь пошел вон с моих глаз!

Нестеров резко повернулся лицом к строю и, отчетливо выговаривая каждое слово, громко объявил:

– За опоздание в строй сержанту Шарыгину объявляю трое суток ареста! Сядешь на гауптвахту, сержант, как только вернемся назад.

В ту же секунду Нестеров почувствовал, что его кто-то тронул за локоть. Рядом стоял Воблин.

– Что натворил сержант?

– Оpozдал в строй, – ответил Нестеров сквозь зубы.

– И за это трое суток ареста? – неподдельно удивился Воблин. – Не слишком ли строго? Может, причина совсем не в этом?

Нестеров показалось, что Воблин с трудом скрывает ухмылку.

– Я отменяю взыскание, – добавил начальник штаба. – А сейчас успокойся, возьми себя в руки и через десять минут ко мне. Я доведу обстановку и каждому взводу поставлю задачу.

Нестеров заметил, что начальник штаба смотрит не на него, а через плечо – куда-то в сторону. Нестеров машинально обернулся и почувствовал, как болезненно сжалось что-то внутри. В темноте, недалеко от колонны он увидел знакомый бушлат. Ирина!

– Опаньки! – произнес Воблин. – Какие чувства! Какие страсти! Нестеров, ты все же о службе не забывай, хорошо?

Нестеров стоял, не оборачиваясь. Зачем она пришла? Кого хочет здесь увидеть? Шарыгина? Воблина? Или его самого? Какого черта?

Ирина подошла к Нестерову.

– Я понимаю, вы очень заняты, – сказала она с легким оттенком иронии. – Но, может, все-таки уделите мне еще минутку?

Нестеров, не оборачиваясь, процедил:

– Пошла вон... Очень тебя прошу...

* * *

К десяти часам утра колонна остановилась на берегу сухого русла реки. Воблин широкими шагами ходил по мосту, поглядывая на часы, ожидал офицеров.

По обе стороны русла поднимались пологие горы. Первые цепочки афганских подразделений уже вытянулись по витиеватым тропинкам.

Звягин строил роту под мостом. Солдаты прыгали с машины и бегом спускались по насыпи вниз. Бряцанье оружия, касок, минометных плит, скрежет горных ботинок сливались в сплошной перезвон.

– Ашот! – крикнул Нестеров, увидев под мостом мешковатую фигуру Вартаняна в маскхалате. Тот обернулся, но лишь на секунду.

– Мы идем за вами, Нестеров! – крикнул Вартанян. – Встретимся!

– Товарищ лейтенант! – позвал Карицкий. – За сухпай не беспокойтесь, я ваши сутодачи взял. Пять гранат. Пять сигнальных ракет. Хватит?

Звягин махнул рукой в сторону сопки. Трое солдат с радиостанцией бегом устремились к ее подножию.

– Пошли! – крикнул ротный и быстро зашагал вслед за дозором. Ашот подтягивал на ходу ремешок каски; крупный нос выпирал из-под железа, и в этом было что-то черепашее.

Нестеров натянул на голову капюшон маскхалата вместо каски.

Дозор уже начал подниматься по сопке. Неустойчивые булыжники с гулом, подпрыгивая, как мячики, покатались вниз.

Впереди Нестерова шел Карицкий с радиостанцией за плечами. Ее антенна, похожая на тараканий ус, раскачивалась со свистом над головой офицера.

Нестеров обернулся, прежде чем начать подъем. Ашот, глядя себе под ноги, шел сзади, метрах в пятидесяти. Руки за спиной, в зубах – сигарета.

Воблин, сунув руки в карманы, все так же ходил по мосту, ежеминутно сплевывая.

С диким скрежетом на крупной речной гальке кружились боевые машины пехоты.

Афганский батальон цепью входил в зеленую долину.

Началось...

* * *

Они шли по узкой тропе вдоль хребта горы уже несколько часов подряд. Карицкий с радиостанцией сильно хромал, дышал тяжело, как лошадь. Его тонкая шея тянулась вверх, и казалось, вот-вот вырвет тело из сетей амуниции. Сзади гремел тяжелыми ботинками Шарыгин. Он почти всю дорогу молчал, лишь раз спросил у Нестерова разрешения пойти вперед, с дозором, но Нестеров грубо осадил его:

– Закрой рот, Шарыгин, и будь там, где я тебя поставил!

Взвод Вартаняна отстал на подъеме и никак не мог догнать Нестерова. Звягин с группой шел в двух километрах левее, за сопками.

Рота постепенно взбиралась все выше и выше. Солдаты выбились из сил, цепь сильно растянулась вдоль хребта. Тогда обстрела никто не ожидал, и с первой очередью крупнокалиберного пулемета, вспахавшего пунктиром землю, солдаты повалились кто куда, прячась за булыжниками, а через минуту, словно по команде, посыпались вниз, бегом, прыжками. Но там, в ложбине, укрытия от огня не было. С вершины горы, под которой находились взводы, уверенно били снайперы.

Нестеров прыгнул в неглубокую песчаную выемку. Через минуту туда же съехал на животе невесть откуда взявшийся Вартанян. Не успел он припасть к земле, как по самому краю ямы прошла пулеметная очередь.

– А, черт! – выругался Ашот, вытер тыльной стороной ладони пересохшие губы и достал из кармана смятую до неузнаваемости пачку сигарет. – Я потерял свой котелок... Ты, Саня, одолжишь мне свой на ужин?

– Где твой? – глубоко дыша, спросил Нестеров.

– Там, – неопределенно махнул рукой Вартанян. – Метров сто. Я приказал всем лежать, а сам – к тебе. Вдвоем полегче будет принять гениальное решение, да? Рация далеко?

Нестеров опустил еще ниже, до самых глаз, капюшон маскхалата, чуть-чуть приподнялся над краем выемки и крикнул:

– Карицкий! Ты где?

– Здесь, товарищ лейтенант! – донеслось из-за камней.

– Карицкий, передай ротному, что остановлены огнем противника в квадрате «Бэ семь», по «улитке» четыре. Лежим, головы поднять не можем. И давай сам ползи сюда!

Прошло минут десять, прежде чем солдат показался над краем ямы. По лбу, щекам, переносице текли крупные капли пота.

Нестеров и Вартанян втянули Карицкого в яму.

– Ты хоть и худой, Карицкий, а столько места занимаешь! – недовольно пробурчал Вартанян, надевая наушник. – Моего котелка по дороге не видел случайно?

Солдат часто дышал и смотрел изумленными глазами на офицера.

– Ну, не дай бог, найду у кого, каблуки повырываю, не снимая ботинок... Ноль первый, Ноль первый, как слышишь? Прием!

Нестеров прижался вплотную к пухлой и колючей щеке Вартаняна, слушая разговор с ротным. Голос Звягина был спокойным, даже, казалось, безразличным.

– Лежите, и без команды ни шагу. Ждать меня. Быть все время на связи...

– Доложите обстановку, Ноль первый! – сквозь треск и помехи раздался далекий голос Воблина.

В это время рядом лопнул взрыв. Карицкий, накрыв собою радиостанцию, рухнул на дно ямы. Ашот, пригнувшись, ударился лбом о колено Нестерова.

– Ну что за наказание! – чертыхаясь и выплевывая изо рта песок, проворчал Вартанян. – Не «духи», так Нестеров покалечит.

– Ноль первый, что у вас происходит?! – жужжала рация.

– Что-что, – передразнил Ашот. – Песок жрем. Прислать г-г-горсточку?

От настолько сильно заикался, что его невыносимо было слушать.

Снова шарахнуло, и над ямой проплыло белое облако. В ту же минуту рядом показалась голова в каске. Не сразу Нестеров узнал сержанта Шарыгина.

– Вы здесь? Целы?

Фонтанчики грязи закружились вокруг сержанта. Он замолчал, прижал лицо к земле, но уже через секунду снова посмотрел на Нестерова:

– Вы не ранены, товарищ лейтенант? Я смотрю, «духи» засекли вашу яму, начали мины сюда кидать... Может, переберетесь к нам, под гору? Там безопаснее... Давайте, я прикрою!

– Шарыгин, пошел в жопу! – крикнул Нестеров. – Кто тебе разрешил оставить отделение? Немедленно назад! К отделению!

– Товарищ лейтенант! – торопясь, заговорил Шарыгин. – Скажите, я вас чем-то обидел?

– Если б ты Саню обидел, Шарыгин, то я б тебе каблуки повырывал, не снимая ботинок, – сказал Ашот. – Котелка моего не видел? На нем «Гамлет» выцарапано, это мой старший сын...

– Шарыгин, пошел вон, – устало повторил Нестеров. – Сейчас не время говорить об обидах...

– Там, впереди, у подножия, мертвая зона. Там нас не достанут... Бегите, всего сто метров, я прикрою! – настаивал сержант.

– Я русским языком сказал – шиздуй к отделению!

– Ну, пусть прикроет Карицкого, – сказал Вартамян и, хлопнув солдата по плечу, добавил: – За сколько стометровку бегаешь? Ну, давай тогда. Только рацию на грудь повесь, чтоб сердце прикрыть.

Карицкий кивнул, поправил на голове каску, закинул за спину автомат и выполз из ямы. Потом, лежа, сдвинул радиостанцию на плечо и встал. Пригибаясь к земле, он тяжело побежал вперед. В ту же секунду Вартамян, Нестеров и Шарыгин открыли огонь по горе.

Увидев, что Карицкий благополучно достиг подножия, офицеры опять залегли на дно ямы.

– Товарищ лейтенант, ваша очередь! – сказал Шарыгин.

– До чего ж сержант прилипчивый попался! – ответил Нестеров и сплюнул песком.

– Да он тебя, Саня, сберечь хочет, – заметил Ашот, заталкивая патроны в опустевший магазин. – Заботится...

– В гробу я видал такую заботу... Я тебе не доверяю, Шарыгин. Чем быстрее ты свалишь с моих глаз долой, тем будет лучше.

– Кончай парня обижать, – пробормотал Ашот. – Ну-ка, сынок, пригни голову...

Высунувшись из ямы, Ашот швырнул на склон горы, откуда по ним били снайперы, гранату. Тотчас тяжело повалился, ткнулся лбом в землю.

– Разрешите взять отделение и атаковать «духов»?! – дрожа от волнения и боевого азарта, крикнул Шарыгин. – Я их засек, товарищ лейтенант! Вон, вон за тем камнем чалма мелькает...

Он не договорил, прижался к земле и замер – вокруг него засвистели пули.

– Сержант! – закричал Нестеров. – Бегом к отделению! Занять позиции, вести прицельный огонь по противнику, экономить боеприпасы! Сколько еще можно повторять?! Твоя глупая инициатива никому не нужна!

– Фуй с вами, – вдруг дерзко произнес сержант и исчез.

Вартамян курил с закрытыми глазами и громко сопел.

– Ты чего к Шарыгину прицепился?

– Умничает много, – сквозь зубы ответил Нестеров. – Возомнил себя военным стратегом. А за мат я ему потом зубы выбью.

– А мне показалось, что ты просто...

– Тебе показалось.

– Воблин был прав, – тотчас сменил тему Ашот. – «Духи» будут держать позиции до последнего и не подпустят нас к кишлаку. Это смертники, Саня. Они отступать не будут.

– Пока мы тут ползаем, банда уйдет из кишлака вместе с боеприпасами в горы...

– А что ты предлагаешь?

– Поздно предлагать. Не надо было нам уходить отсюда два дня назад. Теперь мы бьемся головами о мощный бастион.

– Воблин запрашивает авиацию и артиллерию, хочет раздолбать кишлак.

– Естественно, а что еще Воблин может придумать? Херась – и нет проблем... Не знаю, как он потом жить будет с мыслями о том, что прибил кучу детей.

– Да лучше нас с тобой будет жить... Слушай, так ты мне не рассказал, чем вы с Ириной полночи занимались?

– С какой еще Ириной? Не был я ни у какой Ирины. В разведбат к зёме ходил, водку до утра пили. Потому я сегодня злой такой...

– Ага. Считай, что я тебе поверил... Уй, бля, прицельно лупят!

По ложбине эхом прокатилась оглушительная трескотня. Стреляя, на бугор, покрытый серыми клочками снега, быстро бежала группа солдат.

– Шарыгин нас прикрывает, Саня! – крикнул Ашот. – Собирай кости, побежали!

– Я точно прикончу этого дегенерата! – выругался Нестеров. – Он все-таки не послушался меня!

Сплюнув, Нестеров выскочил из ямы и изо всех сил рванул по каменистой ложбине. Вокруг него оглушительно защелкало, словно пастух хлыстом заработал; пули с визгом рикошетили о землю и камни. Лейтенант добежал до спасительного бугра; тяжело дыша, упал на землю. Через минуту рядом повалился Ашот, но сразу же сел и, засучив брючину, стал рассматривать разбитое о камень колено.

– Слышишь? – Нестеров толкнул Вартадяна в плечо и затаил дыхание. Откуда-то из-за сопки, со стороны Звягина, стремительно нарастая, донеслась частая автоматная дробь.

– Дай-ка наушник, – сказал Вартадян Карицкому.

– Товарищ лейтенант! – вдруг раздался тревожный крик сверху, с позиций. – «Духи» идут! В полный рост!

Солдаты рассыпались по всему гребню. Все вокруг загрохотало.

– Минометчик, ёп твою мать! – орал Ашот. – К бою!

– Карицкий! – пытался перекричать грохот боя Нестеров. – Пятерых бойцов ко мне! В сторону кишлака, мелкими перебежками – вперед!

– Саня, офуел! – вопил из-за спины Ашот. – Воблин целеуказания дает, сейчас по кишлаку «Град» начнет работать!

– Выйди через Звягина на штаб полка, Ашот! Дай отбой артиллерии! Скажи, что в кишлаке свои. Будем работать точно.

– Ай, бля! Легко сказать – выйди! Рацию мне! Где рация, военные?!

– Товарищ лейтенант! – хрипло кричал Карицкий, не в состоянии поднять голову. – Шарыгин к кишлаку пробивается...

Ашот громко говорил в передатчик радиостанции:

– Ноль первый, Ноль первый, я – Барсук. Как слышишь? Прием... Прием! Прием! Куда вы, бездельники, все запропастились? Первый, Первый... Ну вас всех к лешему...

Радиостанция молчала. Вартадян продолжал вызывать Звягина.

– Ноль первый, доложите обстановку, – сквозь помехи прорывался голос Воблина.

Ноль первый, он же командир роты Звягин, молчал.

– Кобра, с Ноль первым нет связи. Молчит давно, – гнусавил в передатчик Вартанян. – Фуярят по нам будь здоров! Прием.

– Нормально доложите обстановку! – раздраженно крикнул Воблин. – В каком квадрате находитесь? Почему оставили Ноль первого без должного прикрытия.

– А я чем должен его прикрыть? Только своей жопой, разве что...

– Вартанян, пойдете под трибунал!

– Да иди ты со своим трибуналом, – ответил Ашот, правда, отключив радиостанцию. – Нашел чем пугать... С меня сейчас «духи» кожу сдерут, а он трибуналом пугает...

К Нестерову подполз Шарыгин:

– Товарищ лейтенант! Звягина с группой у самых стен кишлака зажали! Я могу туда пробиться! Если по ложбине – ни одна пуля не достанет, там тень, камней полно... Я туда с отделением, ящерицей! Выскочим «духам» во фланг... Разрешите...

– Шарыгин, останешься со взводом. Я сам пойду к кишлаку.

– Но, товарищ лейтенант! Я же знаю тропу! У меня получится! Вы собираетесь с «сынами» туда идти?

– Мне с «сынами» спокойнее, чем с тобой!

– За что вы так, товарищ лейтенант?

– Пошел вон!

Нестеров привстал, знаком показал Вартаняну, что уходит с группой на левый фланг, и побежал вдоль позиций.

Они преодолели открытый участок между камней, кинулись по склону ложбины вниз и, не останавливаясь, начали взбираться на сопку.

Ослепительно блеснула желтая вспышка. Нестеров отдернул руку: осколки камня, отлетевшие от удара пули, обожгли острой болью. Он быстро залег, стараясь заметить среди валунов хоть какое-то движение. Солдаты, укрываясь за камнями, переползали с места на место. Рядом с Нестеровым упал Шарыгин. Он наклонил голову к прицельной планке автомата и, не отрывая щеки от приклада, сказал:

– Их больше, чем мы думали. Смотрите, со всех сторон лезут.

Нестеров скрипнул зубами. Сержант его снова не послушался. Надо было как-то отрегулировать. Надо было заорать: «Да я тебя, сукин сын, за невыполнение приказа в боевой обстановке в дисбат отправлю!» Но эта угроза, как верно заметил Ашот, сейчас была смешной и вовсе не страшной – в сравнении с войной и смертью, накрывшей разрозненные группы бойцов черным плащом.

«Неужели опять? – протестуя в душе против безумной несправедливости, подумал он. – Опять я с небольшой группой солдат в окружении. И черт знает, чем все это кончится! Только рядом нет девушки в бушлате. Нет этой странной, неземной, нереальной Ирины, убежденной в том, что никакая война не выбьет из человека его суть – желание любить и быть любимым».

– Отходят?! – не то спросил, не то сказал утвердительно Шарыгин и дал длинную очередь по чалмам, мелькающим за камнями.

Нестеров вновь увидел их – людей в серых, пропыленных одеждах. Нет, они не отходили. Как зверьки, душманы перебегали от валуна к валуну, укрываясь за каменными глыбами, растягивались веером влево и вправо. В их полусогнутых фигурах, движениях не было ничего угрожающего; сейчас они казались Нестерову безобидными, игрушечными существами.

Вдруг рядом, у самых стен кишлака, мощно шархнул взрыв. Казалось, что вспыхнул воздух. На землю, гулко ударяясь, посыпались осколки. Затем в воздухе над головами прошелестело, и вновь вздрогнула земля.

«Артиллерия! – с ужасом подумал Нестеров. – Идиоты! Они все-таки открыли огонь из гаубиц! Сейчас они перенесут огонь на кишлак, и Звягину кранты!»

Прикрывая голову руками, Нестеров с трудом поднялся на ноги.

– Радист! – закричал он. – Карицкий! Связывайся с Воблиным! Объясни этому идиоту, что гаубицы фуярят по нам!

Шарыгин стоял на коленях рядом с худым бледным бойцом и ножом вспарывал ему штанину. Тот лежал, упираясь локтями в землю, и морщился от боли. На его ноге, чуть ниже колена, чернела маленькая точка. Кровь стекала тонкой струйкой, капала на талый снег.

Раненого они несли на руках, насколько можно было быстро поднимаясь на вершину сопки, где можно было укрыться от огня артиллерии, а затем атаковать позиции «духов». Двое солдат уже достигли верха, но тут же залегли и стали стрелять куда-то вниз, в противоположную сторону. Бенкеч, широко раскрывая черный рот, неистово орал:

– Назад! Назад!

– Шарыгин, оставайся с Карицким! Головой отвечаешь за рацию! – крикнул Нестеров и, хватаясь руками за камни, полез наверх.

Через минуту он посмотрел с вершины вниз и все понял. Душманы пытались захватить сопку, чтобы прижать взводы сверху. Отсюда все позиции просматривались как на ладони.

В километре отсюда, у самого кишлака, из последних сил оборонялась группа Звягина. Два неполных взвода под командованием Вартаняна заняли круговую оборону – их окружали.

Душманы полукольцом обходили сопку, на вершине которой вжимался в землю Нестеров и пятеро солдат.

Где-то внизу, прикрывая собой раненого, яростно отстреливался сержант Шарыгин.

Боеприпасы заканчивались. Передать на командный пункт батальона о сложившейся ситуации возможности не было.

Артиллерия по-прежнему, снаряд за снарядом, била по склону сопки и пустырю, постепенно сдвигая огонь к позициям Звягина.

* * *

Первым их заметил Карицкий. Он тронул лейтенанта за плечо и сказал:

– Смотрите!

Низко пригибаясь, отстреливаясь на ходу, по склону сбегала группа «зеленых» – солдат афганской армии.

– Бегут, суки! – процедил Нестеров. – Оставляют нас, пидоры! Им эта война не нужна. Они спасаются!

Вскочив на ноги, Нестеров выстрелил поверх голов афганцев. Те сразу повалились на землю.

– Куда?! А кто родину защищать будет?? – хрипел Нестеров.

Афганцы завопили, что-то наперебой стали говорить, показывая руками в ту сторону, откуда шли «духи».

– Ни фига! Я вас не отпускаю! Будем держать оборону! Поняли, храбрые сарбозы?!

Афганцы хлопали ладонями по магазинам. Наверное, они пытались объяснить русскому лейтенанту, что у них кончились патроны.

Мелкий, смуглый вояка, похожий на цыганенка, пятился назад на четвереньках. На поясе у него болталась маленькая радиостанция. Нестеров ткнул автоматным стволом ему в зад. Афганец ойкнул, обернулся и смешно козырнул. Это выглядело настолько нелепо, что Нестеров расхохотался.

– Испугался, чувак? Понимаешь по-русски? Нет? Давай окапывайся! Ни шагу назад! Стоять насмерть! Позади Кабул! Что, не хочешь?

Афганец поправил на голове шапку и залепетал:

– Но Кабул... артилери, командор, шурави, душман...

– Не понимаю, о чем ты там шиздишь, – поморщился Нестеров. – Кто старший? Командор кто?.. Э-э, чурка нерусская! Ни хера ты не понимаешь!

Афганец закивал головой:

– Да, да, понимаеш...

Афганец заговорил на своем, размахивая руками и показывая куда-то назад. Потом вдруг, услышав страшный шелест в небе, резко замолчал, прижал ладони к ушам и тюкнулся лбом в землю. Через мгновение на склоне горы снова разорвался снаряд – на этот раз значительно ниже. Горячие осколки, падая в снег, шипели, как змеи.

«Радиостанция!» – вдруг осенило Нестерова. Он схватил рацию и потянул к себе. Афганец подумал, что русский офицер принялся мародерничать, и попытался вяло сопротивляться, но тотчас получил ботинком по зубам.

Частоты были совсем рядом. Нестеров едва повернул ручку настройки, как тут же услышал голоса Воблина и Вартаняна.

– Слушай меня, Ереван, – сказал Нестеров, как только Ашот переключился на прием. – Я в километре от тебя. Снизу наступают «духи», гаубицы бьют почти по нашим позициям. Звягин у кишлака, его крепко зажали.

– Саня! – Вартанян, чувствовалось по голосу, опешил и, не зная, как обращаться без позывного, добавил: – Шурик, ты только говори, не молчи. Прием!

– Как дам сигнал зеленой ракетой, беги в сторону солнышка. А я – навстречу тебе. Они сейчас между нами, их немного. Есть шансы на успех. Ты все понял, Ереван?

– П-понял... – заикаясь, ответил Ашот и едва слышно добавил: – Ты поищи там мой котелок... На нем «Гамлет» выцарапано. Это мой старший...

Нестеров опустил щекой на холодную землю. От сердца отлегло. Вартанян еще находил силы шутить, а значит, ситуация была не такой безнадежной.

– Шарыгин! – позвал Нестеров, стараясь не встречаться с сержантом взглядом. – Мы будем контратаковать, а ты с Бенкечем неси раненого в тыл, к технике.

Нестеров скорее почувствовал, чем увидел, как рядом с ним дрожит всем телом долговязый Карицкий от возбуждения и восторга. «Он встанет сразу же за мной», – уверенно подумал Нестеров и изо всей силы рванул шнурок. Ракета с шипением взмыла в небо. Подчиняясь какому-то внутреннему порыву, он вскочил на ноги и побежал по склону, поливая все впереди себя длинными очередями. Не думая о смерти, не оборачиваясь, Нестеров продолжал бежать по склону. На бугре прямо перед ним выросли три серые фигуры. Он не успел нажать на спусковой крючок. Он даже не услышал автоматной очереди, лишь без удивления, с поразительным равнодушием увидел, как душманы стали медленно оседать, как с глухим стуком упали на землю автоматы.

Нестеров вскарабкался на бугор и снова вскинул автомат: человек десять стояли на прогалине, опустив винтовки, пулеметы стволами вниз.

Он почувствовал, как кто-то несильно ударил его ладонью по спине, и, обернувшись, увидел почерневшее и ставшее неузнаваемым лицо Ашота Вартаняна.

– Все, Нестеров! Все! Успокойся! Успокойся, я тебе говорю! Они сдались...

* * *

В сгущающихся сумерках Вартамян растерянно и опустошенно ходил по тропинке между камней, смотрел себе под ноги, ковырял ботинком землю. Расстегнутый бушлат нелепо висел на его плечах, ствол автомата почти касался каменистой поверхности тропы.

– Котелок ищешь, Ашот? – спросил Нестеров.

– Окурок... Где-то здесь я его выронил... Хороший окурок. Жирный. Длинный. Еще курить и курить...

Откуда-то снизу, из-за валунов, раздался окрик часового:

– Стой! Кто идет?

– Свои.

– Кто?

– К командиру роты Звягину, – ответил Нестеров.

Угрюмый здоровенный солдат провел их между позициями охранения и сигнальных мин. Нестеров издали заметил в бледном свете луны рослую фигуру Звягина.

Они крепко пожали друг другу руки.

Взяв под руку Нестерова, Звягин пошел на «ротный командный пункт». У валуна на песчаном обрыве была отрыта неглубокая землянка, прикрытая двумя связанными плащ-палатками.

– Заходи, – сказал Звягин, отодвигая рукой брезент. – Посмотри, как в полевых условиях живет командир роты. У вас, наверное, поскромнее?

Звягин присел у радиостанции, включил тумблер и взял в руки наушники. Минут пять он разговаривал с Воблиным, потом запросил Вартамяна.

– Он у меня, Ереван... Задачу доведу завтра утром... Отбой.

В землянку вошел солдат, разложил на земле банки с тушенкой и рисовой кашей, сухари, сало, кусок колбасы.

Когда он вышел, Звягин отключил радиостанцию и изменился в лице, словно вдруг постарел лет на десять. Думая о чем-то своем, медленно резал сало, ломал галеты.

– Нас зажали под кишлаком. Я думал, что стреляют со стороны, но ошибся. Сам видел бородатых, которые выбежали из кишлака. Потом оттуда же по нам долбанули из безоткатки. Двое раненых, один убит... Не нравится мне их тактика – шли в открытую, нагло, словно вылиты из железа. Такого мне еще не приходилось видеть. В общем, в том проклятом кишлаке нас ждет полная жопа... Хадовцы допросили пленного, которого вы взяли... Молчат, о кишлаке, боеприпасах – ни слова. Один только посоветовал: мол, если хотите жить, то не подходите к кишлаку.

– Ты думаешь, банда с боеприпасами сидит за дувалами?

– Не думаю, а уверен. Осиное гнездо... – Он открыл фляжку и налил в кружки водки. – Воблин и командование «зеленых» такого же мнения.

– Как это быстро Воблин отказался от своего первоначального мнения!

– Подсуетился, смекнул... Орден зарабатывает... Сука! Если бы мы тогда не ушли из кишлака, банда хрен бы в него сунулась, и не было бы сейчас такого мощного бастиона... Ладно, выпьем. Давай, старичок, за победу!

Они чокнулись, выпили, занюхали луком.

– В общем, решили с утра заблокировать кишлак и предложить душманам сложить оружие. Надеются обойтись без стрельбы... Придурки! Видели бы они, как «духи» шли на нас! Да эти обкуренные фанаты ни за что не сдадутся! Они будут драться до последнего патрона... Тревожно на душе, Нестеров, тревожно. Боюсь, что завтра мы много ребят положим в этом кишлаке.

Где-то за тонкой стенкой брезента слышался негромкий голос солдат, кто-то слушал по транзистору «Маяк», и женщина-диктор говорила о том, что на Украине закончена подготовка сельскохозяйственных машин к весенним полевым работам.

Заснул Нестеров лишь под утро, а всю ночь лежал с закрытыми глазами на плащ-палатке, от которой тянуло сырым земляным холодом, и вспоминал все то, что было за этот огромный до бесконечности день, прислушивался к шагам Звягина, проверяющего через каждый час посты...

* * *

С рассветом Звягин с группой вернулся к взводам. Шарыгин и четверо солдат спустились с гор в долину, чтобы пополнить запас воды. Вернулись через час. Рядом с Шарыгиным шел пожилой афганец. Он тяжело взбирался по подъему. Под калошами, надетыми на босые ноги, хлюпала грязь. Тонкие, неопределенного цвета шаровары были до колен мокры и выпачканы глиной. Одной рукой афганец теребил пластмассовую пуговицу на своем вылинявшем пиджаке, в другой нес маленький тряпичный сверток.

– Кого вы привели? – спросил Нестеров, идя навстречу группе.

Шарыгин ничего не ответил. Нестеров взглянул внимательно на лицо афганца и все понял.

Глава 6

Перед ним стоял Махмед Саид. Но как изменился он за эти дни! Куда девались его гордая осанка и надменный взгляд?

– Где вы его встретили?!

– У арыка, товарищ лейтенант. Он шел в вашу сторону, прямо на позиции. Там мы поставили растяжки, и как он на них не напоролся – не понимаю. Бойцы ему кричат: «Стой, душара! Стрелять будем!» А ему хоть бы хны. Придурок... Хорошо, я рядом оказался. Он узнал меня первым. Чего-то говорит, на кишлак показывает. Я ни фуя не понимаю.

– Алимова сюда.

Подошли Звягин с Алимовым.

– Пленный?

– Это тот самый... информатор... – ответил Вартамян. – Что-то мне его глазки не нравятся... Лазутчик? Сам пришел. Может, наши позиции посмотреть хочет, а потом продаст «духам» сведения. Они тут за деньги на все пойдут.

– Алимов, спроси у него, зачем он пришел?

Махмед забулькал скороговоркой, ежесекундно вздымая руки к небесам и прикладывая их к сердцу. Потом он рухнул на колени перед Нестеровым, пытаясь схватить и поцеловать его руку.

Алимов стал переводить.

– Я же говорил вам, – причитал афганец, – не возвращайтесь в кишлак! Моджахеды будут держаться в нем до последнего. Если вы пойдете на штурм, то случится страшное... Сегодня ночью они подняли всех женщин. Моджахеды будут прикрываться ими, как щитом. Среди них и моя жена. Ради Аллаха, не стреляйте по кишлаку! Уходите! Я очень вас прошу. Я умоляю...

Он стоял на коленях и бился головой о землю. Чалма слетела, покатилась, как футбольный мяч.

Звягин напряженно слушал, покусывая кончики усов.

– Спроси его, Алимов, почему моджахеды не ушли в горы, когда узнали, что мы идем в кишлак. Какого черта им этот кишлак сдался?

– Моджахеды хотели уйти, – ответил Махмед. – Но хозяин не разрешил, он сказал, что если все уйдут в горы, то шурави найдут склад с оружием и боеприпасами. А это хозяину будет очень дорого стоить.

– Что, такой большой склад, что ради него надо стоять до последнего и прикрываться женщинами?

Махмед медленно поднялся на ноги, подобрал чалму, водрузил ее на голову и, нервно теребя пальцами жиденькую черную бороденку, произнес:

– Большой – не то слово. Он огромный. Им можно вооружить целую армию.

– Ты знаешь, где этот склад находится?

– Не знаю... Нет, не знаю... Это держится в строжайшем секрете...

– Ты понимаешь, батя, – сказал Ашот, – мы склады с оружием тоже ценим и ради богатого трофея готовы драться аки тигры.

Неизвестно, как Алимов перевел реплику старшего лейтенанта, но афганец вздрогнул так, словно его ударило током. Он посмотрел на офицеров широко раскрытыми глазами, в которых застыло отчаяние. Медленно, едва слышно он ответил:

– Умоляю вас, не стреляйте по кишлаку. Никакое оружие не стоит жизни наших детей и женщин.

– Тут ты прав, батя. Но если мы это оружие не экспроприруем, то потом оно будет стрелять по нашим бойцам. А нам это на фиг не надо. Так что давай искать золотую середину. Баб твоих, конечно, нам жалко, но наших бойцов жальче еще сильнее, а потом...

– Ладно, закрой рот, – оборвал словесный поток Вартаняна Звягин и пошел к радиостанции докладывать Воблину о встрече с Махмедом. Вартанян расхаживал вокруг афганца и, прищурившись, подозрительно смотрел на него. Нестеров, сидя на земле, думал о том, что война – это необыкновенная, несравнимая дрянь, потому как никогда не найдешь компромисса и не обойдешься без чьей-либо крови. «Уйти нельзя стрелять». Вот и мучайся, где запятую поставить.

Ротный быстрым шагом вернулся к офицерам.

– Воблин уже в пути – наша техника и афганские бойцы выдвигаются к кишлаку по шоссе. Нам приказано подняться в горы, пройти вокруг кишлака по хребту, чтобы исключить возможный удар противника сверху, и блокировать кишлак с южной стороны.

– Шиздец, – прокомментировал Вартанян. – Значит, будет большая война.

– А как он отреагировал на то, что моджахеды готовы прикрываться женщинами? – спросил Нестеров.

Звягин скривился и отрицательно покачал головой.

– Стал кричать, что не верит ни единому слову афганца, что мы любезничаем со шпионом и дезинформатором. Мол, ваш афганец обеспокоен только тем, что наша техника подавит посевы на его поле и развалит пару дувалов.

– Живи я здесь, я бы тоже был этим обеспокоен. Любому нормальному человеку насрать на войну и наши разборки. Мы уйдем, а ему тут жить, ему растить детей...

– Ладно, Нестеров! – как от боли, скривился Звягин. – Хотя ты не сыпь мне соль на раны. Я что могу сделать? Мы – солдаты и вынуждены подчиниться.

Почти два часа рота шла под ветром и дождем по размытой тропе. Афганец шлепал по грязи в своих калошах рядом с Нестеровым и Вартаняном, вытянув худую жилистую шею вверх, глядя вперед. Его чалма намочила и свисала мокрой тряпкой. С бороды – жалкой и тонкой – капала грязная водичка. Свой тряпичный узелок Махмед спрятал за пазуху и все время придерживал его одной рукой.

Когда рота прочесала все окрестные горы и ложбины и стала спускаться к кишлаку с южной стороны, афганец заволновался, стал озиаться по сторонам, что-то бормотать и нервно тереть замусоленные четки на тонкой черной нитке.

– Страшно, батя? – отреагировал на его поведение Вартанян. – Понос не начался? А вот мы так почти каждый божий день... Эх, война, война... Не ссы, уцелеют твои бабы. Мы надурняка стрелять не будем. Мы только по бороатым – пух!

Афганец тем не менее вовсе остановился и, сойдя на обочину дороги, опустил на корточки.

– Ну точно, понос у человека! – умозаключил Вартанян.

Афганец искал глазами Алимова. Увидев переводчика, сказал ему несколько слов.

– Он не может идти дальше, товарищ старший лейтенант, – перевел Алимов Вартаняну.

– А это еще почему? – насторожился Вартанян. – Мы без тебя никак. Ты у нас главный проводник, этакий афганский Сусанин. Вставай, вставай, батя! И в первые ряды наступающих! Докажи своей ханумке, как ты ее любишь... Ты что ж, жопа, сопротивляешься? Да я тебе каблуки повырываю, не снимая ботинок!

– Уймись, Вартанян! – рявкнул Звягин. – Алимов, что с ним?

– Он боится, что моджахеды увидят его с нами и за измену убьют его жену.

– Стопроцентно убьют, – согласился Звягин.

– А мы его переоденем в солдатскую форму! – придумал Вартанян.

На связь вышел Воблин:

– Ноль первый, почему задерживаетесь?

Звягин думал.

– Алимов, пусть покажет, как лучше пройти к кишлаку, чтоб нас не заметили.

Махмед стал долго и путано объяснять, жестикулируя руками и показывая на реку.

– Он говорит, что надо перейти реку в этом месте, а дальше – через сады.

Ротный кивнул, достал из полевой сумки карту.

– Иди, отец, иди. – Нестеров легонько ткнул в плечо афганца. – И не попадайся нам больше на глаза.

Махмед закивал, снова попытался поймать руку Нестерова и поцеловать ее.

Вартанян, угрюмо наблюдая за афганцем, съязвил:

– Пусть идет. Конечно, пусть спасает свою жалкую жизнь. А мы – все герои. Сейчас полроты положим, чтобы спасти его жену. Мы – пушечное мясо. Нам людей не жалко. Что такое жизнь солдата? Копейка!

– Кто-нибудь заткнет Вартаняну рот? – крикнул Звягин. – У тебя что, мандраж начался?

– А то нет, – пожал плечами Вартанян. – Я что – не человек? Мне страшно. Я не скрываю. Это нормальное человеческое чувство, которое возникает у здорового, молодого и весьма красивого мужчины, собирающегося идти под пули на верную гибель...

Звягин захлопнул сумку, поправил на себе ремень автомата:

– Все, отставить разговоры! Реку переходим здесь. Далее скрытно, перебежками – через сад. Нестеров! Отправляй вперед разведдозор. Сам пойдешь первым. Вартанян – прикрываешь его с левого фланга, я – с правого.

– Ой, бя! – закачал головой Вартанян. – Гадом буду – мы выйдем прямо на позицию пулеметчика. Прощай, мама...

Преодолевали реку группами, вытянувшись цепочкой и крепко ухватив друг друга за поясные ремни. Течение корежило эту цепочку, выгибало ее по своему усмотрению, но солдаты шаг за шагом шли по скользкому каменистому дну, не давая воде разорвать связку.

На другом берегу, катаясь по мокрому песку размытого берега, Нестеров надевал мокрые ботинки на посиневшие от холода ноги, вбивал их ударами о прибрежные камни, стараясь вытерпеть боль, кусал губы.

Спустя минут пятнадцать после переправы солдаты разведдозора остановились и замахали руками. Звягин передал по цепи: «Ложись!»

Нестеров и Вартанян подползли к командиру. По радиостанции передавали: «Коробочки оцепление закончили, „Кобра“ держит юг и запад». Это означало, что боевые машины пехоты и подразделения «зеленых» уже оцепили кишлак.

– Нестеров, – сказал Звягин, разглядывая в бинокль пустынный сад и казавшиеся безлюдными постройки кишлака. – Пойдем в гости. Бери с собой человек пять.

Он решительно вскочил на ноги и кинулся к ближайшему дереву. Солдаты – за ним. Рота медленно просачивалась через сад и приближалась к ржим стенам. В гнетущей тишине прошли минут пять или семь. Звягин, заглянув за угол, вышел на первую улочку кишлака и пошел вдоль дувалов. Боевые группы – за ним. Нестеров кивнул своим, обогнал ротного и стал прочесывать параллельную улочку. Солдаты, напряженные, ловкие и бесшумные, перебегали с места на место, крутили головами во все стороны, распахивали ногами калитки, заглядывали во дворы.

Нестеров двигался во главе группы, держа в поле зрения мокрые тяжелые стены, обвалившиеся углы и темные проемы в глинобитных лачугах. Он отчетливо ощущал сковывающее, сдавливающее грудь чувство ожидания выстрела. На пересечениях улиц он встречал Звягина; они молча кивали друг другу. Расслабленная походка ротного внушала уверенность. В то же время его показная смелость была сродни в чем-то безрассудству. Но Несте-

ров терпел мучительное ожидание, не смея высказать Звягину своих глупых и ненужных опасений.

Стало сумрачно. Высокие стены, ограничивающие улицу, заслоняли и без того скудный матовый свет. Раздражала тишина, глухая, могильная.

Даже Вартанян, идущий чуть позади и левее, молчал. Он двигался неровно, часто останавливался, менял темп и почти все время смотрел под ноги, словно что-то потерял.

Тихо было до тех пор, пока группы не вышли в центр кишлака, где возвышался трехэтажный дом, окруженный крепкими, очень высокими дувалами.

– Не могу понять... – сказал Звягин, оборачиваясь назад.

Он хотел закончить фразу, но не успел. Оглушительно прогремела пулеметная очередь. Пули впились в рыхлые стены дувалов. Нестеров почувствовал, как вздрогнули, напряглись идущие рядом с ним солдаты.

– Назад! – крикнул Звягин. – За дувалы!

Солдаты принялись отходить к укрытию. Кто-то уже залег и изготовился к бою. Все водили из стороны в сторону стволами, но никто не понимал, откуда по ним стреляли.

– Дверь! – вдруг крикнул один из солдат, тут же прижался щекой к прикладу автомата.

В проеме дувала, огораживающего трехэтажный дом, открылась маленькая тяжелая дверь – лишь на секунду. Покачиваясь, словно пьяная, на площадь вышла женщина. Уродливая, с безумным лицом, на котором не было уже ничего человеческого, она медленно ступала босыми ногами по грязи и, казалось, едва держалась, чтобы не упасть.

– Не стрелять! – Звягин и Нестеров крикнули почти одновременно.

Повисла жуткая тишина.

– Что за ерунда? – пробормотал Звягин. – Парламентера выслали?

– Это... Это предупреждение, – прошептал Нестеров. – Сейчас...

Женщина сделала пять-шесть нетвердых шагов, потопталась на месте и вдруг дико, по-звериному завывала. Она оторвала руки от груди и подняла их вверх. В эту же секунду прозвучала короткая пулеметная очередь. Нестеров почувствовал, как за его спиной залязгали автоматы. Звягин подался вперед, глаза его были широко раскрыты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.